

УДК 902

НА ПУТИ К ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ

© А.В. Тетенькин

Статья посвящена проблеме изучения трансляции продуктов культуры. Автор анализирует разработки теории культурной трансмиссии Л.С. Клейна и ряда западных археологов и предпринимает собственные исследования, посвященные семиотической природе типов артефактов, культурным механизмам трансляции типов, артефактов и людей, цикличности развития типов и археологической прагматике таких разработок.

Ключевые слова: артефакт, тип, знак, трансляция типа, культура.

IN PURSUIT OF THE THEORY OF CULTURAL TRANSMISSION

© A.V. Tetenkin

The article is devoted to a problem of research of cultural products transmission. Author analyses works on a theory of cultural transmission made by Russian scholar L.S. Klein and some Western archaeologists and then makes some own efforts on studying a semiotic nature of the types of artifacts, cultural mechanisms of the transmission of types, artifacts and people as well as circles of the development of types and discusses archaeological pragmatic of such researches.

Key words: artifact, type, sign, translation of type, culture.

Введение

Тридцать лет научной деятельности иркутских археологов в Байкало-Патомском нагорье (1985–2015 гг.) привели к представлению археологии эпохи перехода от плейстоцена к голоцену как состоящей из трех типов ансамблей, имеющих отчетливо выраженный облик, сосуществующих на одной, небольшой территории несколько тысяч лет (Аксенов и др., 2000; Инешин, Тетенькин, 2005, 2010; Тетенькин, 2010, 2011, 2013, 2014). Работы последних лет, хотя и выявили единичное присутствие черт одних типов ансамблей в других, не отменили вывода о технико-типологической специфике последних, наоборот, наполнили выделенные ряды новыми данными. Задача объяснения этой культурной вариативности не имеет немедленного ответа и существует как научная проблема, пути решения которой должны быть обоюдными – и теоретическими, и практическими. В археологии каменного века Северо-Восточной Азии и Северной Америки есть немало примеров обращения к проблеме причин существования в одном

регионе двух и более отчетливо выраженных типов ансамблей (Абрамова, 1979а, 1979б; Акимова, 2011; Деревянко, Шуньков, 2005; Медведев, 1971; Ташак, 2000, 2005; Тетенькин, 2012; Шевкомуд, Яншина, 2010; Goebel, Buivit, 2001). Анализ опыта разработки этой темы в различных ситуациях является необходимым условием развития наших представлений, однако не означает того, что проблема культурной вариативности (ПКВ) должна иметь единообразное объяснение. Теоретический путь разработки ПКВ лежит, как минимум, через ответ на вопрос: каковы механизмы процессов, результатом которых являются присутствие, сочетание, выпадение типов вещей в ансамблях, а за ними технологий, тактик деятельности? И далее: **каковы в принципе механизмы культуры, работающие в этом типе ситуаций?**

Для археологов традиционной парой научных задач являются ответы на вопросы «какие типы артефактов и комбинации типов характеризуют исследуемые комплексы?» и «каковы функции найденных артефактов и осуществленные на данном месте социальные процессы?» Со времени вы-

ходки студента, выбившего из рук профессора-таксономиста и растоптавшего кусок керамики (Johnson, 2002, p. 21–22), спора Л. Бинфорда с Ф. Бордом по поводу причин variability мустьерских фаций Франции (Binford, 1983, p. 77–94), второе направление получило большее развитие в рамках выросшей Новой Археологии. Фокус познания на процессах функционирования вещей в системах культурной адаптации людей к окружающей природной и социальной среде – «процессуальный подход», на наш взгляд, в археологии имеет теоретические преимущества над подходом культурно-типологическим (Тетенькин, 2003б).

Абстрактно рассуждая, мы полагаем, что в основе обоих случаев стоят два типа идеальных представлений, или иначе, два типа идеальных объектов археологии. Культурно-типологическое представление мы связываем через биологический таксономизм и схоластический номинализм с платоновской связью мира вещей с миром идей. В основе археологического понимания лежит тезис об артефактах как о продуктах, производных от идеальных образов-типов: «объективации культурных идей в материальной культуре и есть смысл считать культурными типами, подлежащими выявлению» (Клейн, 1993, с. 6). Соответственно, каждая морфологически устойчивая – серийная – группа вещей имеет своего представителя в культуре – тип. Задача археолога и состоит в выявлении наборов типов для каждого исследуемого ансамбля, хроносреза, района. Она сродни палеонтологической характеристике различных геологических страт определенными фаунистическими и ботаническими видовыми комплексами. Однако раскрытие сути отношений друг к другу артефактов разных видов внутри одного комплекса данными культурно-типологическими представлениями не предусмотрено. И они выходят за его рамки, попадая в поле процессуального способа изображения объекта археологического исследования (ОАИ). В этом случае ОАИ понимается как результат действия различных – естественных и социальных, формационных и деформационных процессов, среди которых ведущая роль принад-

лежит древней социально организованной человеческой деятельности. Она направлена на жизнеобеспечение социума и имеет характер потребления ресурсов, производства материальной культуры как необходимой искусственной среды существования. Потребление природных ресурсов коллективом и производство материальной культуры есть своего рода обмен веществ, характер которого выражается в адаптации себя / к себе окружающей среды, являющийся условием развития и воспроизводства процесса жизнедеятельности общества.

Отходы этого процесса переработки ресурсов и целевые продукты этой деятельности, большей частью уже отработанные и амортизированные, оставленные человеком в организованном им пространстве, образуют исходный культурный слой, судьба которого далее уже зависит от естественных седиментационных, постдепозиционных, а затем и техногенных процессов (Клейн, 1978; Butzer, 1985; Schiffer, 1987; Инешин, Тетенькин, 2003). В этом способе изображения ОАИ каждый артефакт функционально связан с другими именно своей ролью в общей для всех системе жизнеобеспечения.

Сам способ изображения ОАИ как результата или состояния некоего процесса позволяет представить динамику его формирования в ходе развития процессов деятельности. Работая в рамках системодетальностного подхода (Инешин, Тетенькин, 2003, 2010), мы ввели, например, в качестве методологического инструментария в нашем исследовании древних процессов деятельности схему акта деятельности Г.П. Щедровицкого (Щедровицкий, 1995, с. 241–245), дополнив уже имеющиеся позиции – *индивида-актора, цели, знаний, исходного материала, орудия, продукта* – позицией *отходов*, формулированием оппозиций позитивного vs негативного, пассивного vs активного функционирования артефактов (Инешин, Тетенькин, 1995, 1998, 2010). Мы ввели схему Г.П. Щедровицкого кооперации актов деятельности как механизма развития деятельностных процессов, задав, таким образом, способ изображения динамики развития артефактообразующих процессов деятельности. Мы рассматрива-

ли в системе деятельности вещественную и пространственную позиции артефакта (позицию в структуре искусственного пространства). Мы разрабатывали представления ОАИ на различных уровнях организации: а) производства единичных артефактов; б) сфер и процессов деятельности, осуществленных здесь и сформировавших *деятельностную ситуацию*; в) циклических годовичных процессов жизнеобеспечения, звеном которых являлась данная стоянка.

Для чего нам это надо? Во-первых, мы исходим из собственных представлений о научности (Тетенькин, 2003а, 2003б). Мы задаем контуры и обозначаем пределы нашего будущего знания, формулируем идеальный объект (ИО) как схему организации наших частных результатов. Исследователи, подходя к объекту, во всяком случае, уже имеют (и должны иметь) определенный круг вопросов, который они будут задавать и на которые хотят получить ответы. Эти вопросы суть производные от тех общих, идеальных представлений, которые сидят в наших головах. Так вот, задача состоит в рефлексии, формулировании и предъявлении их как рабочей схемы идеального объекта. Во-вторых, мы не можем и не должны прямо примеривать наши конкретные, отдельные эмпирические данные под готовые, предложенные уже типы деятельностных ситуаций, таких, например, как различные бинфордские модели стоянок нунамиутов и алиавара (Binford, 1983, 1989). Мы должны **сначала построить собственную знаниевую конструкцию стоянки как деятельностной ситуации**, а затем уже привлекать аналоговые модели для функционального определения нашего случая. И в-третьих, ОАИ представлен в неизвестной степени редуцированным набором культурных остатков. Процессы его формирования нами не наблюдаемы. Следовательно, отдельные данные нашего исследования могут быть организованы в совокупное знание по вводимым теоретическим (онтологическим) схемам. Знания будут иметь двухслойный характер: схема (1) – данные (2). Наша археологическая специфика познания такова, что все задаваемые схемой позиции (условно говоря, ячейки) исчерпывающим образом

конкретными данными не будут заполнены никогда.

Процессуальный подход как способ изображения ОАИ имеет ряд очевидных преимуществ перед культурно-типологическим подходом. Он позволяет реконструировать динамику формирования культурного слоя (стоянки), выявлять функциональную взаимосвязь артефактов, чего мы не можем делать, оставаясь в рамках культурно-типологических представлений. В них, повторимся еще раз, возможность выявления отношений артефактов друг к другу не задана, и типы статичны. Мы видим, что по характеру обусловленности / случайности набора вещей материальной культуры, динамики развития / статичности эти онтологически разные *процессуальный* и *культурно-типологический* подходы противостоят друг другу (Тетенькин, 2003).

Теперь настало время задаться вопросом, а можем ли мы ассимилировать культурно-типологическую парадигму, имея на вооружении процессуальную методологию? Иными словами, возможно ли изображение типов артефактов как результатов развития определенных культурных процессов и их механизмов? В этом случае мы избежали бы недостатков-пределов культурно-типологического подхода, развили бы теоретические представления культурной природы ископаемых материальных остатков. Теоретическая основа научной деятельности, а именно принципиальная прорисовка идеального объекта, задаст легитимность конкретной работы с эмпирическим материалом в искомом направлении. Мы рассматриваем это как условие научности исследования.

В содержательном смысле задача эта выходит за рамки частных археологических исследований. Она имеет метаархеологический теоретический характер. Опорой в развитии теоретического мышления в избранном направлении должен быть имеющийся в науке задел.

1. Концепция конвенционализма Клейна

Наиболее глубоко и последовательно теоретические представления о типах и их

культурных механизмах в российской и советской археологии развиты в работах выдающегося археолога-теоретика Л.С. Клейна (Клейн, 1978, 1981, 1991, 1993; 2011а, 2011б). На наш взгляд, среди его трудов, веками обозначивших теоретическое научное наследие, в данном аспекте культурной типологии следует выделить работы «Археологические источники» (1978), «Археологическая типология» (1991), а также «Всемирная история археологической мысли» (2011а, 2011б). В последнем труде сам автор подвел итог своих теоретических изысканий на мировом научном фоне, очертив наиболее ценные с его точки зрения собственные идеи.

В работах Л.С. Клейна типологический подход получил наиболее рафинированное содержание. Отмечая бедность триады «тип – артефакт – признак», он ввел обширный терминологический аппарат (Клейн, 1991, 1993). По сути, чрезвычайно активные усилия ученого были направлены на разработку типологии как научного предмета. Л.С. Клейн видел задачу в синтетическом характере теоретического конструирования – построения центральной теории археологии, который снимал бы антитезу миграционизма vs трасмиссионизма, равно как и автохтонизма vs диффузионизма.

Свои культурологические разработки сам автор обозначил как «секвениционизм» (Клейн, 2011б, с. 464–467). Понятие «секвенция» в них является центральным, под ним Л.С. Клейн понимает последовательность культур. Он разделяет колонные и трассовые секвенции. *Колонные секвенции* суть локальные хроно-стратиграфические последовательности археологических культур, эмпирически устанавливаемые исследователями для каждого региона. *Трассовые секвенции* являются растянутыми во времени и пространстве процессами развития культур. По сути, Л.С. Клейн, выражаясь в нашей терминологии, ставит перед собой задачу процессуального изображения культурных механизмов как возможных причин тех изменений, что наблюдаемы в археологических источниках. Культура рассматривается как пучок традиций, а традиции представлены как линии (мы бы сказали, процессы), имеющие свои собствен-

ные корни и траектории развития. При этом культура, в основном, понимается так, что составляющие ее традиции образуют устойчивую во времени и пространстве совокупность – ко-традицию. Вот, собственно, ко-традиция и образует трассовую секвенцию.

В поисках источников изменений в культуре Л.С. Клейн прибег к теории информации (Клейн, 1981). В частности, он представил культуру как систему коммуникации и передаваемый в коммуникативных актах от поколения к поколению объем информации. В этой постановке причины изменений в культуре исследователь увидел как результат нарушений в системе коммуникаций. Обсуждать эти нарушения стало возможно, выделив такие аспекты стабильности и нарушений, как размеры социальных организмов, наличие интенсивных контактов между поколениями, емкость и пропускная способность каналов связи, частота повторяемости сообщения, связность потока информации, функциональная взаимозависимость элементов культуры, организованность (жесткость, сложность) информационной системы.

Возможные причины нарушений передаваемого сообщения Л.С. Клейн искал в информационных сетях: разрывы контактов, узость каналов связи, недостаточная повторяемость сообщения, занижение минимального, с точки зрения информационного воспроизводства, порога размера социального организма и др. Каналы связи – это очаги энкультурации и социализации личности: семья, школа, двор, армия, литература и др. (Клейн, 2011, с.466). Они совпадают с субкультурами (Клейн, 1981, с. 21). Резервуары памяти связаны с фольклористикой и письменными традициями (Клейн, 1981, с. 21).

По признанию Л.С. Клейна, обстоятельства не позволили ему представить свои идеи в развернутом виде. Работа осталась невостребованной, хотя и воспринимается автором как одна из наиболее интересных в собственном творчестве (Клейн, 1981; 2011б, с. 467).

Теория культурной трансмиссии Кавалли-Сфорца – Филдмана и Бойда – Ричерсона

Текущие западные работы по проблеме изучения в археологии культурных механизмов основываются на теоретических разработках Л.Л. Кавалли-Сфорца и М. Филдмана (Cavalli-Sforza and Feldman, 1981) и Р. Бойда и П. Ричерсона (Boyd and Richerson, 1985, 2005; Richerson and Boyd, 2005; Eerkins and Lipo, 2007). Это направление существует под названием «культурная трансмиссия». Пожалуй, можно сказать, что оно теоретически обособилось или выкристаллизовалось сравнительно недавно. Хотя первые ростки понимания, что есть культурная трансмиссия, обнаружены уже у археологов-диффузионистов начала XX века (Eerkins and Lipo, 2007), еще в 1980-х годах ряд ученых, обзревая существующий теоретический небосклон, заключил, что стройной и целостной теории культурной трансмиссии еще нет. Но она нужна (Funnell and Smith, 1981; Gearing, 1984). Ситуация изменилась в корне после выхода цитированных выше работ Л.Л. Кавалли-Сфорца и М. Филдмана, Р. Бойда и П. Ричерсона. В целом, их можно охарактеризовать как направленные усилия, нацеленные на понимание природы (т. е. причин, условий, процессов, механизмов) передачи информации в социуме, в культуре социума. Собственно, термин «transmission» и обозначает эту передачу.

Исследования в области культурной трансмиссии многими археологами оцениваются как одно из самостоятельных и перспективных направлений в археологии (Bettinger, 1993; Shennan, 1996).

Решающее влияние на формирование направления культурной трансмиссии сыграл дарвиновский эволюционизм и эволюционная генетика. Культурная трансмиссия изначально стала пониматься как нечто родственное генной трансмиссии: «мы приобретаем поведение других индивидов подобно тому, как мы получаем наши гены от наших родителей (Boyd and Richerson, 2005, p. 258). Гены и культурная информация являются разновидностями информации в целом (Eerkins and Lipo, 2007, p. 245). В обоих случаях генной и культурной

трансмиссии имеет место межпоколенная передача. Идеи в культуре подвержены такому фундаментальному дарвиновскому фильтру как естественный отбор (Durham, 1992, p. 343; Richerson and Boyd, 2005, p. 68). «Большинство антропологов, экономистов, социологов или политологов разделяет общую принципиальную позицию: индивиды делают выбор между альтернативными видами поведения, проводя анализ затрат и выгод, используя информацию, имеющую отношение к платежу» (Heinrich, 2001).

Признавая родство обоих видов трансмиссии, генетической и культурной, цитируемые авторы понимали и существующее своеобразие последней. «Культурная трансмиссия отличается от генетической трансмиссии, потому что включает наследование приобретенного варианта. ... Эффект случайных ошибок является культурным аналогом мутации» (Boyd and Richerson, 1985, p. 283). «Поведение может быть передано культурно быстрее, чем генетически. Это позволяет индивидам более быстро отвечать на изменения окружающей среды» (Eerkins, Lipo, 2007, p. 243). «Культурная селекция параллельна естественной селекции, но действует благодаря выбранному предпочтению, а не преимуществу выживания или репродуктивного воспроизводства» (Durham, 1992, p. 344–345).

В случае генетической трансмиссии (ГТ) вопрос пасаемого вещества был ясен: единицами (юнитами) ГТ являются сами гены. Напротив, в культурной трансмиссии тербовалось еще нащупать, найти тот материал, который, собственно, и по аналогии с трансмиссией генов должен быть совокупностью атомарных единиц, из которых складывается все культурное наследие. И эти единицы должны подобно генам обладать некими качествами устойчивости, информативности, способности вступать в комбинации. Большое влияние на все последующие разработки КТ оказали взгляды английского популяризатора современной биологии, дарвиниста и атеиста Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» (Dawkins, 1989 (1976)), «Расширенный фенотип» (Dawkins, 1982). Он – автор концепции мемов – единиц культурной информации. Мемы спо-

собны расщепляться, комбинироваться, образовывать устойчивые ассоциации – мемплексы. Они являются репликаторами, т. е. способны воспроизводить самих себя и в этой основной своей функции они достаточно плодовиты, постоянны и выносливы (Dawkins, 1982; Boyd and Richerson, 2005). Такие мемы-репликаторы, как убеждения и идеи, могут быть копированы с одних мозгов на другие, распространяться в популяции, контролируя поведение людей (Boyd and Richerson, 2005, p. 429). Критикуемым местом в этой концепции стало представление о мемах как об аналогах генов. Оно закрывало путь очевидным переменам в культуре, имеющим скорый фенотипический характер.

Хотя у авторов концепции культургена Ч. Ламсдена и Э. Вильсона, одних из предтеч нынешней теории культурной трансмиссии (Lumsden, Wilson, 1981), существовало «широкое» понимание культуры как суммы ментальных конструкций, поведения и артефактов, в конце концов, во взглядах Кавалли-Сфорца, Филдмана, Бойда, Ричерсона и их последователей возобладало представление культуры как информации, или информационной системы: «...мы определили культуру как информацию, влияющую на фенотип, принимаемую людьми через имитацию или обучение» (Boyd and Richerson, 1985, p. 283). «Мы определяем культуру как информацию – навыки, отношения, верования и ценности, обуславливающие человеческое преподавание, которое они усваивают через обучение, имитацию и другие формы специального обучения» (Boyd and Richerson, 2005, p. 105). Информация и есть те самые искомые единицы культурного материала. Как и каждая система, система культуры пасует информацию, используя собственные различные способы кодирования (Eerkins and Lipo, 2007, p. 246). Трудность в представлении информации состоит в отсутствии фиксированного осязаемого объекта для культурной трансмиссии: «физические формы культурной информации являются в разных масштабах и постоянно изменяются. Не существует пределов в типах физических образований, которые несут информацию (Eerkins and Lipo, 2005, p. 318).

«Единицы трансмиссии идеальны и прямо не наблюдаемы, они состоят из информации и концептуально аналогичны «рецептам» поведения, артефактов и идей» (Lyman and Bryan, 2003; Eerkins and Lipo, 2005, p. 318). На наш взгляд, не последнюю роль в формировании такого представления сыграло и в значительной степени традиционное для археологии нормативное определение культуры как набора разделяемых идей (Johnson 1999, p. 65).

Культурная трансмиссия Кавалли-Сфорца и Филдмана

В 1981 г. вышла книга Л. Кавалли-Сфорца и М. Филдмана «Культурная трансмиссия и эволюция: количественный подход» (Cavalli-Sforza and Feldman, 1981). В 1982 г. в журнале «Science» опубликована их же статья «Теория и наблюдение культурной трансмиссии» (КТ) (Cavalli-Sforza et al., 1982). В них развернуто была представлена концепция КТ. Авторы сформулировали культурную трансмиссию как приобретение одним индивидом черт другого. Процесс трансмиссии осуществляется в две стадии: а) понимание; б) восприятие или обучение (Cavalli-Sforza and Feldman, 1981, p. 62).

Четыре критерия, важных для классификации трансмиссии, выделили Кавалли-Сфорца и Филдман (Cavalli-Sforza and Feldman, 1981, p. 61):

1) связь учителя и ученика; 2) возрастная разница; 3) количественное отношение между учителями и учениками; 4) сложность общества. Связь учителя и ученика может быть либо родительской, либо является отношениями вхождения в одну родственную или социальную группу, либо отсутствует. Возрастная разница формирует *вертикальную трансмиссию* между разными поколениями родственников, прежде всего, от родителей к детям. *Облик-трансмиссия* (oblique transmission) – от представителя старшего поколения младшему при условии отсутствия родственной связи. *Горизонтальная трансмиссия* представляет собой коммуникацию между представителями одного поколения, условно говоря, сверстниками. Количественное отношение выражается в соотношениях:

1 учитель – 1 ученик, 1 учитель – много учеников, много учителей – 1 ученик, много учителей – много учеников (все сверстники, например). Эти количественные варианты КТ – ключевые в концепции Кавалли-Сфорца и соавторов. Из них выведены такие модели культурной трансмиссии как родительская КТ – ребенку, КТ социально близкой группы – ребенку, КТ учителя (и масс-медиа) ученикам, горизонтальная КТ между индивидами-ровесниками. Четвертый критерий сложности общества лишь констатирует комплексный характер одновременного действия разных типов КТ.

Был высказан ряд характерных особенностей, присущих этим моделям-типам. Трансмиссии от родителей к детям и от многих к одному наиболее консервативны. Трансмиссии от одного многим, например, от учителя к ученикам или от телевизора (медиа-средств) к аудитории характерны быстрым распространением инноваций и тенденцией к гомогенизации общества. Трансмиссия от одного человека к другому ведет к высокой мобильности индивидов в восприятии инноваций, а также к значительному и повышающемуся культурному разнообразию.

Количественные (статистические) измерения действия разных аспектов КТ были проведены в различных социальных группах западного общества, в том числе на студентах Л. Кавалли-Сфорца и М. Филдмана (Cavalli-Sforza et al., 1982). Запрашиваемая культурная информация (traits – характерные черты) была разделена на 6 рубрик: 1) религиозные взгляды; 2) политические взгляды; 3) зрелища; 4) взгляды на спорные ограничения, предубеждения; 5) привычки, легко описываемые без вторжения в приватность; 6) спорт.

Ожидалось, что будет найдено применение КТ Кавалли-Сфорца и Филдмана в разнообразных гуманитарных направлениях: лингвистике, психологии, антропологии, социологии и коммуникационных науках. Нашлось применение этой теории и в археологии. В статье Дугласа Н. МакДональда «Жизнеобеспечение, пол и культурная трансмиссия в культуре Фолсом» (MacDonald, 1998) консервативный по всей Великой Равнине характер набора орудий

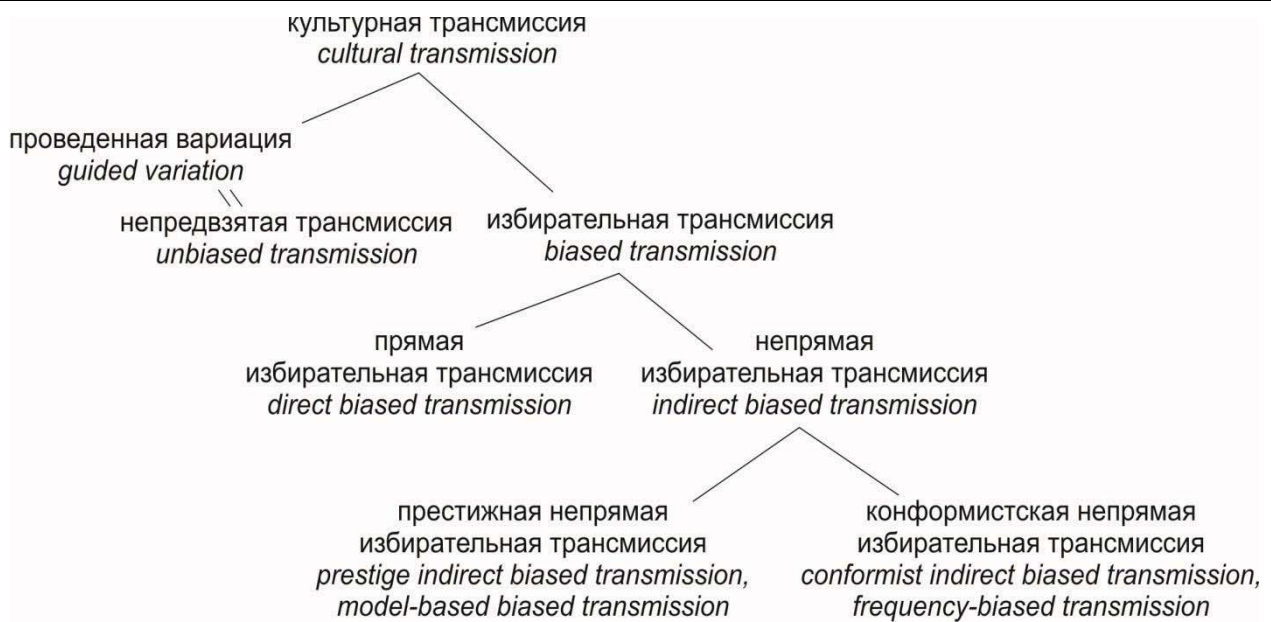
Фолсом интерпретирован как результат действия типа КТ «многие – одному» в условиях географически широкой сети брачных, социальных и экономических отношений (MacDonald, 1998, p. 232). Большое влияние концепция Кавалли-Сфорца и Филдмана оказала на последующую теорию культурной трансмиссии Р. Бойда и П. Ричерсона.

Культурная трансмиссия Бойда и Ричерсона

Еще большее влияние на современные археологические работы в русле КТ оказала теория культурной трансмиссии Р. Бойда и П. Ричерсона. Первая книга этих авторов «Культура и эволюционный процесс» появилась в 1985 году (Boyd and Richerson, 1985), в разные годы выходили статьи, а в 2005 г. вышло еще две книги «Происхождение и эволюция культур» (Boyd and Richerson, 2005) и «Не геном единым» (Richerson and Boyd, 2005).

Р. Бойд и П. Ричерсон, определяя культуру как информацию, утверждают, что культурная трансмиссия осуществляется на уровне навыков, убеждений, ценностей и отношений, обуславливающих человеческое поведение (Boyd and Richerson, 2005, p. 105). Эта культурная информация влияет на фенотип человека и таким образом может быть унаследована (Boyd and Richerson, 1985, p. 283). Люди усваивают информацию через имитацию и обучение. Обучение может быть социальным и индивидуальным. В первом случае оно идет через навязывание образца индивиду его социальной группой. Во втором случае имеется в виду лично активное обучение путем проб и ошибок.

Бойд и Ричерсон ввели понятие *избирательная трансмиссия* (biased transmission), противопоставив ее *непредвзятой* (unbiased) трансмиссии (рис. 1). *Непредвзятая трансмиссия* осуществляется от родителей к детям. Она воспроизводит существующую культурную информацию без существенных изменений. *Непредвзятая трансмиссия* тесно связана по смыслу с *проведенной вариацией* (guided variation), суть которой в увеличении роли усваиваемого культурного варианта благодаря меж-

Рис. 1. Схема выделенных вариантов культурной трансмиссии Бойда – Ричерсона (Boyd and Richerson, 1985, 2005; Richerson and Boyd, 2005)

поколенной его передаче, обучению и индивидуальному освоению «учениками» (Boyd and Richerson, 1985, p. 283).

Альтернативой является *избирательная трансмиссия* (biased transmission). Она появляется, «когда люди предпочитают одни культурные варианты другим, сталкиваются с альтернативными идеями и выбирают из них осознанно, или неосознанно» (Boyd and Richerson, 2005, p. 68).

Избирательная трансмиссия может быть прямой (direct bias) и непрямой (indirect bias). *Прямая избирательная трансмиссия* означает рациональную оценку и выбор наиболее подходящего варианта. Она также понимается как селекция культурных вариантов. Но из-за некомпетентности либо затратности проверки, отсутствия на нее времени люди часто полагаются на *непрямую избирательную трансмиссию*, когда проще, чем оценивать самому, положиться на чей-то пример (Boyd and Richerson, 1985, p. 135). Эта последняя имеет две разновидности: *престижную* и *конформистскую* избирательные трансмиссии (Boyd and Richerson, 2005, p. 69).

Престижная (prestige biased, model-biased) трансмиссия есть заимствование, копирование культурного варианта успешного носителя. Например, это подражание стилю поп-звезд, заимствование образцов

поведения и вооружения успешных охотников.

Конформистская (conformist-biased, frequency-biased) трансмиссия есть выбор в пользу общепринятого варианта, копирование общепринятых, наиболее часто встречаемых культурных образцов.

Касаясь условий успешной трансмиссии, Бойд и Ричерсон обращали внимание как на стимулы на общие убеждения, диалект, дресс-стиль, привлекательность успеха (Boyd and Richerson, 2005, p. 119), а также на аккуратность ментальных репрезентаций и настойчивости в их воспроизводстве, пока они сами не станут моделями для других (Boyd and Richerson, 2005, p. 57, fig. 3.1).

В качестве примера применения в археологии разработок Бойда и Ричерсона приведем статью Р. Беттингера и Е. Эркинса «Типология наконечников, культурная трансмиссия и распространение технологии лука и стрел в преистории Великой Равнины» (Bettinger and Eerkins, 1999). Поводом послужило морфологическое разнообразие наконечников типа Rosegate в Калифорнии и устойчиво выдержанные в параметрах эти же наконечники в центральной Неваде около 1350 л. н. В это время, как считают, происходило внедрение технологии лука и стрел. Если считать, что очаг распространения этих передовых знаний был один, то логично ожидать едино-

образии наконечников на всей территории культурной трансмиссии. Однако, как мы видим, в случае с наконечниками в Калифорнии это оказалось не так. Речь, в частности, шла о соотношении параметров веса и базальной ширины наконечника стрелы. В объяснении разброса этих показателей в Калифорнии была привлечена идея проведенной вариации (*guided variation*) Бойда и Ричерсона. Она предполагает индивидуальное освоение культурного багажа, что, вероятно, и привело к большому разнообразию наконечников, сделанных путем экспериментов, проб и ошибок.

Напротив, выдержанные в параметрах наконечники Rosegate в Неваде интерпретированы как возможный результат не прямой избирательной трансмиссии одного успешного образца (*indirect biased transmission*). Отсюда как следствие предполагаются групповое социальное обучение, минуя уровень индивидуального обучения и экспериментов, гомогенный культурный состав населения, доминирование группового поведения над индивидуальным.

Теоретический синтез Эркинса и Липо

Активно работают над внедрением тематики культурной трансмиссии в археологию Е. Эркинс и К. Липо (Eerkins and Lipo, 2005, 2007). Мы выделим здесь две статьи «Культурная трансмиссия, копирование ошибок и производство вариаций в материальной культуре и археологических источниках» (Eerkins and Lipo, 2005) и «Теория культурной трансмиссии и археологические источники» (Eerkins and Lipo, 2007). В этих работах авторы проделали новейшее обобщение теоретических разработок на тему культурной трансмиссии и построили на основе достигнутого уровня представленный идеальный объект КТ. На наш взгляд, разработка онтологической конструкции культурной трансмиссии в статьях Эркинса и Липо, суммируя все, что уже было достигнуто, является наиболее разработанной, несмотря на отсутствие математических формул, обычно обильно присутствующих в работах рассматриваемых ученых.

Итак, выделяют источник информации и получающую сторону как индивидов, воспринимающих, хранящих, переименовывающих, воспроизводящих и материализующих эту информацию (Eerkins and Lipo, 2007). Индивиды получают информацию и оперируют ею: выбирают, изменяют, игнорируют, экспериментируют с ней. Процессы трансмиссии рассматриваются в трех основных планах: контент, контекст и моды презентации и усвоения (*acquisition*), которые работают совместно.

Контент это актуальная информация, передаваемая трансмиссией. Эту информацию ряд исследователей определяет как мемы (Dawkins, 1976) и культургены (Lumsden and Wilson, 1981). Но, поскольку нет эмпирических единиц информации, авторы предпочитают использовать термин «культурная информация» (Eerkins and Lipo, 2007, p. 247). Контент характеризуется такими аспектами как комплексность-сложность информации, форма, в которой она подана, частота повторяемости и как информация структурирована.

Сложность информации влияет на совершение ошибок как во время хранения ее в мозгах, так и во время ее материализации. Авторы определяют сложность информации как длину описания ее свойств математически, пиктографически или вербально. Три формы информации – письменная, вербальная, визуальная. Визуальная система восприятия дает меньше ошибок, чем восприятие на слух. И визуальное восприятие, должно быть усилено вербальным. Структурированность информации есть величина детализированности, либо генерализации. Характер трансмиссии зависит от того, как запакована информация. Например, инструкции могут быть редуцированы к самой сути – структуре.

В контенте большую роль играет идея стиля. Стиль есть что-то, что работает в конструировании сериации и оценочных процедур путем проб и ошибок (Eerkins and Lipo, 2007, p. 254). Даннел (Dunnell, 1978) определял стиль как нечто, не имеющее селективной ценности, стилистические черты объявлены как нейтральные, функционально равновеликие. Позднее отмечалось, что стиль может иметь свою ценность, благо-

даря маркированию собой границ социальной группы. Но очень сложно отделить функциональные черты от стилистических.

Контекст представляет собой культурную среду для процессов трансмиссии. Здесь Эркинс и Липо отмечают слабую разработанность представлений. Называются такие фильтры-стимулы прохождения информации как способность человеческого мозга воспринимать и передавать информацию, тематическая взаимосвязь единиц информации, большее знание культурного контекста коммуникантов обеих сторон. Ритуальные верования как информация имеют низкий уровень изменений. Дж. Хенрих (Henrich, 2004) указывает на роль размера популяции в трансмиссии. Чем больше популяция, тем больше интерактивных учеников, тем сложнее технологии, которые передаются. При сокращении популяции и изоляции возможно забывание сложных технологий и возврат к простым. С. Митен (Mithen, 1997, p. 73) выдвинул гипотезу связи определенных смыслов, например, религиозные идеи с религиозными артефактами и социальным поведением, информация о «богах» с социальной информацией или миром природы. Современный мозг расположен к трансмиссии способов охоты, производства орудий и социального взаимодействия. Соответственно, эти аспекты легче других транслируются.

Мод трансмиссии варьирует от числа вовлеченных людей, направления и влияния, того, как информация запакована и как извлечена. Трансмиссия может быть модифицирована, стимулирована (biased). Выделяют трансмиссию один – один, многие – один, один – многие, многие – многие (Cavalli-Sforza and Feldman, 1981). Многие – один трансмиссия ведет к низкому уровню вариаций, в сравнении с трансмиссией один – многие. Наиболее часто встречаемые виды трансмиссии – избирательные (biased) конформистская и престижная трансмиссии (Boyd and Richerson, 1985, 2005; Richerson and Boyd, 2005).

Упорядочивающую роль организации информации играют картины мира. Отмечается способность единиц информации к слиянию и расщеплению (Eerkins and Lipo, 2007, p. 252, 254). Избирательная престиж-

ная трансмиссия может предполагать передачу информации блоками, например, технологии, в которые включены разнообразные аспекты и производства и применения артефакта.

Культурная трансмиссия и ревизия Баркоу

Идею ревизии культуры, дополняющей процессы трансмиссии, предложил антрополог Джером Баркоу (Barkow, 2004). Центральным местом в ней является постоянное наличие в культуре маладаптивных черт, понижающих жизнеспособность культуры и общества или вовсе ведущих к отрицательной невыгоде. Такая маладаптивность возникает в четырех видах процессов: 1) изменение окружающей среды, когда прежде эффективные культурные черты (нормы) становятся недееспособными; 2) увеличение расходов, когда затраты на следование культурным нормам превышают пользу от их применения; 3) аккумуляция ошибки, например, веками воспроизводящиеся методы лечения ртутью в исламской культуре; 4) доминирование интересов элиты, идущее вразрез с интересами общества в целом (Barkow 2004, p. 441).

Так или иначе, общество вырабатывает стрессо-понижающие механизмы ревизии культуры. И они тесно переплетены с трансмиссией культуры (Barkow, 2004, p. 447). Ревизия культуры протекает по четырем направлениям (Barkow, 2004, p. 448–450):

1. Имитация престижной модели поведения, характерная, особенно для молодых. Смена престижной модели ведет к изменениям в культуре.

2. Детское и подростковое сопротивление. Отвоевывание места и ревизия культуры молодежью связаны между собой.

3. Угнетение и сопротивление. Например, внешние угрозы могут заставить людей ревизовать свою культуру (синдром этноцентризма), а социальное напряжение в обществе – привести к революции.

4. Мягкая социализация есть стремление дать детям лучшую жизнь, что ведет к ревизии культуры.

Эти тезисы Дж. Баркоу излагает на фоне критики описанных выше положений

культурной трансмиссии, разрабатываемых Ламсденом и Уилсоном (Lamsden and Wilson, 1981) и Бойдом и Ричерсоном (Boyd and Richerson, 1985). Суть критики в отношении к культурным единицам по аналогии с генами, между тем как связь между генетической пригодностью и культурой всегда свободна и не всегда предсказуема (Barkow 2004, p. 453). Указанные этими учеными механизмы культурной трансмиссии слишком просты и недостаточны. В их модели должны быть инкорпорированы более сложные механизмы (Barkow, 2004, p. 448). Последние, по Баркоу, должны быть механизмами психологического уровня (Barkow, 2004, p. 453).

Критика западных концепций культурных трансмиссий

Развитие взглядов на культурные процессы в американской (западной) антропологии прошло несколько этапов. Пережив стадию рефлексии отсутствия теории КТ и необходимости в ней, научное сообщество вступило во второй этап появления научных концепций. Были сформулированы первые онтологические концепции идеального объекта культурной трансмиссии. Третий этап начался немедленно с появлением первых теоретических конструкций как эмпирические, прикладные попытки их применения. Е. Эркинс и К. Липо, правда, отмечают неразвитость практики археологических работ в русле культурной трансмиссии (Eerkins and Lipo, 2007).

В американской антропологии господствует убеждение в том, что защищаемые положения должны быть сформулированы математически. Количественный подход понимается как необходимый критерий научности. Эти обширные математические построения являются в какой-то мере и способом объективации научных разработок, т. е. демонстрацией реальности существования выводимых научных построений. Таких, например, как культургены (Lamsden and Wilson, 1981). На наш взгляд, такие модели большей частью имеют симуляционный характер, выделяя какой-то один из аспектов (искусственно упрощая до одного), показывая его возможную роль, но при этом упрощая в целом теорию КТ. По-

следняя как раз и нуждается в продолжении разработок. Текущий уровень их недостаточен, на что указывали, например, и Е. Эркинс и К. Липо (Eerkins and Lipo, 2007).

Магнетическое влияние дарвинизма, эволюционной генетики, проведенное через идеи мемов Р. Доукинза и культургенов Ч. Ламсдена и Э. Уилсона, привело к одностороннему пониманию культуры и ее механизмов воспроизводства и развития. Это, в частности, понимание культуры только как информации, рассмотрение последней преимущественно в контексте сходств и различий с генами. Наша позиция состоит в том, что процессы коммуникации представляют собой не только обмен идеями (информацией), но и артефактами и людьми. Соответственно, они и должны рассматриваться в этой взаимосвязи. Всякая информация имеет знаковый характер, облечена в материальные знаковые формы. В частности, сами артефакты являются знаковой формой заложенных в них значений. В ходе коммуникации знаковые формы могут быть отчуждены от человека, пересажены на иные носители, например, бумажные или электронные, что совершенно выпало из внимания цитируемых авторов. Этот аспект КТ следует охарактеризовать как семиотический. В рассмотренных нами западных концепциях культурной трансмиссии он практически не развит. Однако именно семиотический подход к культурной трансмиссии должен быть более всего востребован археологией, поскольку принципиально сосредоточен на связке «артефакт (знаковая форма) – значение». Информационное понимание культуры явно недостаточно. Оно выводит за рамки все остальные основные аспекты сферы культуры: управляемую нормами и знаниями деятельность и ее материальные продукты.

Имея на вооружении модели КТ типа «один – многим», «многие – одному» или избирательной непрямой престижной и конформистской трансмиссий, археологи пытаются применить их в духе идентификации материала с одной из моделей. С нашей точки зрения, все выделенные моды или типы КТ не могут быть противопоставлены друг другу, не могут представлять со-

бой тип культуры в целом, поскольку работают одновременно, но в различных возрастных, коммуникационных, прагматических ситуациях. Соответственно, необходима разработка онтологической схемы коммуникационных ситуаций, в ходе которых происходит обмен – движение идей, вещей, людей. Построена она должна быть не как слепок с современного западного общества, а как: а) инвариантная схема; б) логически простейшая схема, которая, вероятно, и должна быть исторически исходной.

Используемый в западной археологии термин «трансмиссия» в русской передаче имеет механистическое понимание. «Трансмиссия» – система устройств для передачи на расстояние механической энергии (<http://formaslov.ru>). У трансмиссии нет глагольного образования. В противовес ему «трансляция» в русском языке более широко употребляема и означает перенос физического или математического объекта в пространстве на некоторое расстояние, передачу на расстояние речи, музыки, изображения и т. п. с места действия по радио и телевидению (<http://formaslov.ru>), имеет и глагольную форму. Поэтому исходной точкой для дальнейших рассуждений мы принимаем как наиболее удобный в употреблении термин «трансляция», более приемлемый в смысле передачи различных продуктов культуры.

II. Семиотическая природа артефактов. Связка «тип – артефакт»

Нас, археологов, в первую очередь интересует отношение идей, информации к вещественному миру ископаемых нами культурных остатков – остатков артефактов. Базовое, принципиальное допущение, которое мы принимаем, строится на том, что артефакты являются знаковыми формами, значениями которых выступают связанные с ними, с их производством, их использованием культурные нормы, идеи. Вместе эта связка «знаковая форма – значение» образует знак (Щедровицкий, 1995). Соответственно, ракурс или подход к артефакту следует определить как семиотический. Возможный вклад в развитие понимания артефактов может быть внесен изу-

чением процессов образования их типов как *массовых явлений работы сознания* по производству, хранению, передаче и усвоению знаковых форм чувственного опыта. В этом русле должны быть рассмотрены и аспекты образования типа как идеального значения вещей. Это, во-первых, онтологические характеристики производства типов как знаков и, во-вторых, описания культурных механизмов введения типа.

В решении любых задач человек опирается на существующие в культуре способы разрешения ситуаций, в том числе стереотипы производства и использования орудий определенных типов. Однотипные деятельностные ситуации побуждают людей использовать предшествующие решения как положительный опыт, который может быть воспроизведен. Так появляется тип как результат *подражания* и воспроизводства удачного нового *единичного* артефакта, как продукт технического, стилевого (эстетического, символического) творчества, либо случайного отклонения. В этот момент возникает естественный знак – знак о самом себе в ситуациях включения в сферы деятельности (Кодухов, 1974, с. 25). Главным образом, это сферы производства и утилизации артефакта, личного владения, гендерной, возрастной, сословной, конфессиональной, этнической и прочей принадлежности. В ходе успешного применения артефакта люди концептуализируют опыт его производства, который становится стереотипом поведения людей в подобных деятельностных ситуациях. Адекватный опыт-стереотип инструментального (овещественного, вооруженного вещами) поведения подвергается переработке содержания в смысле формулирования идеального, то есть типичного, редуцированного, лишённого индивидуальной специфики, обогащенного и обобщенного знания. Эта процедура является по своей природе работой человеческого сознания со знаками. Мы фиксируем здесь переход естественного знака в состояние идеального типа и будем отличать в идеализированном опыте поведения людей в стандартных деятельностных ситуациях связку «идеальный образ артефакта – деятельностные значения». Последние есть стереотипы деятельностных

ситуаций, осуществляемых с участием артефакта и необходимых для его производства. Назовем эти первые значения *денотативными (основными) значениями типа*. Процесс редукции содержания опыта в направлении выработки идеального типа, как правило, является результатом коллективной деятельности и работы коллективного сознания. Для этого необходимо выполнение таких условий как репрезентация опыта в знаковых-языковых выражениях – *номинация типа* (репрезентация языковым термином), трансляция (передача-обучение) опыта. Многократное воспроизводство ситуаций использования стереотипного опыта как раз является условием его редукции и выработки формализованного идеального типа. Логистика минимизации трудовых и, в том числе, интеллектуальных усилий ведет к доведению стереотипов поведения до шаблонов механического, слаборефлексируемого, машинального, моторного поведения.

Процесс выработки идеального типа артефакта, осуществляемый как задача оптимизации трудовой инструментальной деятельности, обеспечиваемой артефактом, направлен, таким образом, в сторону идеализации типа деятельности и образа (формы) артефакта как наиболее ему адекватного. Пока эта работа осуществляется, она имеет характер открытой, *синтагматической* процедуры организации знания. Иными словами, открыта сама возможность дополнения и изменения знания. Но это состояние не беспредельно. Следующий и финальный этап формирования идеального типа состоит в *парадигматизации* достигнутого состояния знания (результата работы со знаками). Отныне оно имеет закрытый характер, позволяющий пользователям: а) узнавать в вещах тип; б) отличать вещи типа от других вещей. Сам процесс образования типа назовем *процессом типизации*. Артефакты данного типа выступают в роли знаков-символов, присущих им стереотипов поведения, деятельностных ситуаций. Происходит узнавание типа в смысле понимания за вещью-знаком связанных с ней значений. Само понятие типа как некоторого морфологически устойчивого класса вещей со специфически им

присущим культурным значением предполагает *парадигматический* характер типа. То есть, если по некоторым руководящим признакам вещь не совпадает с формулой типа, то она к нему не относится, это не тип, со всеми вытекающими из этого семантическими последствиями. Следовательно, в связке «образ (форма) артефакта – стереотипы деятельности с артефактом» первый имеет установку на парадигматическую закрытость.

Этот переход синтагматической цепочки (смысла) в статус парадигматической конструкции (значение) описан в работе Г.П. Щедровицкого «Смысл и значение» (Щедровицкий, 1995, с. 545–576).

Вторая часть идеального типа состоит из суммы сослагающих значений стереотипов видов и сфер деятельности, с которыми артефакты данного типа связаны. В ходе исторической жизни типа в культуре общества эти значения могут меняться. Помимо основных, денотативных значений появляются дополнительные *значения-коннотации*. В этом выражается гибкость или жесткость второго компонента содержания идеального типа. Помимо основных значений (денотата) производства и утилизации в ходе социальной истории типа происходило присвоение коннотативных значений престижности, интериоризации, маркирования определенных социальных страт и этнических и прочих групп, различных социальных практик вовлечения артефактов данного типа. Важно отметить среди коннотативных со-значений возможные связи типов с идеологиями, в том числе религиозными.

Пример. В качестве иллюстрации возьмем историю автомобиля ВАЗ-2101 «копейки», скопированного с итальянского автомобиля «Фиат». Помимо основных значений технологии производства автомашины мы можем перечислить следующие коннотации: 1) выбор лучшего чужого автомобиля; 2) интериоризация его под собственной маркировкой (ВАЗ-2101); 3) престиж обладания новым совершенным автомобилем в первые годы его производства; 4) статус «народного автомобиля» («копейка»); 5) мемориальный статус родоначальника серии «Жигулей»; 6) антипрестижный

статус архаичного старого автомобиля. Аналогичные примеры можно привести в отношении предметов экстраутилитарного, символического, религиозного, в частности, значения. Скажем, предметы христианского культа сопровождалась различной коннотативной историей в течение всей истории христианства, включая советский этап.

Структурная схема типа (рис. 2) состоит из позиций (1) **идеального типа**: а) образа (формы) артефакта и языкового термина; б) стереотипов производства и использования артефакта в сферах деятельности; и (2) **материального продукта** воплощения формы – артефактов определенного типа и морфологии (морфотипа). С семиотической точки зрения такая схема является *знаком*, в котором знаковой формой являются артефакты, а значением – идеальный тип. Исходя из вышеприведенных доводов о возникновении дополнительных коннотативных со-значений, мы делаем важный вывод о многократном семиозисе и полисемии типа.

Приведем несколько сходных примеров понимания процесса возникновения типа в западной антропологической (теоретической) археологии. Глэдвин и Батлер (цитировано по: Henrich, 2001, p. 996) сформулировали три стадии этого процесса: 1) индивиды оценивают альтернативы, используя низкочастотные (lowcost) эксперименты для сбора информации; 2) эти решения кодифицируются в культурных правилах; 3) эти правила транслируются следующим поколениям.

Е. Эркинс и К. Липо указывали на два возможных механизма производства культурных вариаций: «1) вариация может быть результатом ошибки в копировании; 2) вариация может быть произведена когнитив-

ным механизмом, сортирующим и комбинирующим информацию с целью создания новых форм, которые могут быть убедительны и ощутимы производителем. Этот тип вариаций часто рассматривают как избирательная (biased – интенциональная) вариация, или результат «инвенции», «открытия» или «инновации» (Eerkins and Lipo, 2005, p. 319).

Показав, что образование идеальной формы артефакта сопряжено и имеет своим условием идеализацию типа деятельности, мы должны далее рассматривать сам процесс типизации как работу сознания, захватывающую не только артефакты, но и процессы и сферы деятельности и, говоря дальше, всю окружающую человека искусственную и естественную среду. В этом смысле уместен общефилософский вывод о стремлении человека к освоению мира через редукцию всех отношений к миру, к парадигматической картине мира и наборам типов поведения в нем. Базовым теоретическим положением в нашем случае является утверждение о том, что человеческая деятельность оперирования знаками является постоянной, и она обязательным образом является условием и сопровождает все виды поведения. Типообразование имеет знаковую семиотическую природу. Задача процесса типизации состоит в фиксации опыта, открывающей возможность его хранения, знаковой репрезентации, трансляции, узнавания и понимания. Д. Миллер в работе «Артефакты как продукты человеческих категоризационных процессов» характеризует его как процесс категоризации – структурного упорядочивания окружающего мира, материального производства и речи-языка (Miller, 1982).

Представления об эволюционном процессе изменения вещей, а с другой сторо-

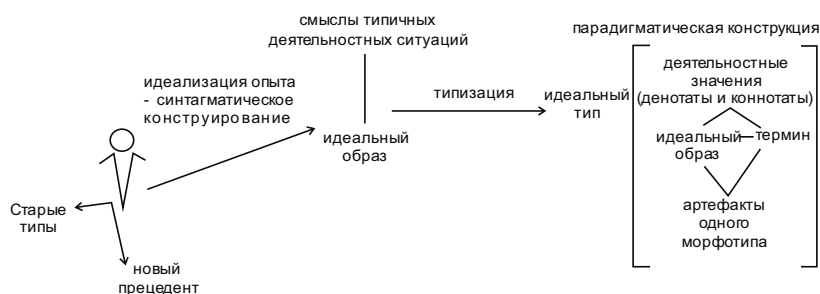
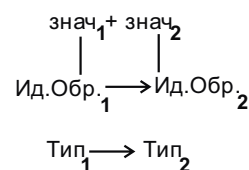

Рис. 2. Структурная схема типа

ны, их концептов-значений оказали влияние и на лингвистику. Ю.С. Степанов (Степанов, 1997, с. 17–18) назвал такие порядки «эволюционными семиотическими рядами», определив их природу как знаковую. Синхронные звенья разных семиотических рядов формируют «стиль» или «парадигму эпохи». Процессы могут сужаться и расширяться в плане хождения в узких или широких кругах населения, протекать с разной скоростью в разных социальных средах (Степанов, 1997, с. 39–40). Но в фокусе внимания лингвиста оказываются, прежде всего, вопросы культурно-лингвистической эволюции концептов. Д. Миллер, например, оценивает вклад в понимание процессов категоризации структуралистских лингвистических оппозиций Соссюра и дихотомии противостояния грамматик продуктам ежедневной речи у Н. Хомского (Miller 1982, p. 19).

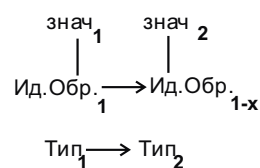
Следующий вопрос, который подлежит рассмотрению, состоит в определении, какова роль уже сформированных, существующих типов в продолжающемся процессе типизации. (Очевидной стороной этого процесса является непрекращающаяся тенденция к отклонению от исходного типа (Clark 1968, pp. 227–229)). Характеризуя тип как знак, а типизацию как работу сознания со знаками, мы видим три возможных направления этой работы, ведущей к образованию нового типа: увеличение знака (типа), деление знака (типа) и комбинацию знаков (типов). Рассмотрим аспект стилового отклонения типов. Появление новых, дополнительных коннотаций-значений в каких-то случаях сопровождается модификацией формы типа (увеличение содержания – **увеличение типа**) (рис. 3а). Серийность, массовость этого явления приводит к формированию нового стилового типа, уже связанного отношениями знаковой репрезентации с конкретным, узким типом деятельностной ситуации. Так появляются, например, ритуально специфичные типы оружия, посуды, мебели. (И.А. Бунин в «Окаянных днях» отмечал как новшество, что вскоре после Октябрьской революции ее сторонники стали хоронить своих умерших в гробах обтянутых красной тканью). Речь идет о парадигматической типизации

новой и конкретной связки «стиловое отклонение от исходного типа – специфическая ситуация обращения с вещами нового данного типа». Новый, условно говоря, «стиловой тип» по отношению к исходному типу является под-типом или суб-типом. Артефакты, имеющие эту новую знаковую форму, становятся символами определенной социальной ситуации. Вероятно, возможен реконструктивный ход демонстрации восхождения множества субтипов второго и третьего поколения к исходному «материнскому типу». Общим условием, предъявляемым к ним, является соблюдение требований исполнения основных функций, предъявляемых еще к материнскому типу. Стиливые вариации, связанные с коннотатами, логически допустимы, пока не препятствуют осуществлению основных функций вещи – денотативных ее значений (Эко, 1999). Здесь новый тип формируется по схеме «Тип исходный + Стиловое отклонение». Его артефакты одновременно являются представителями и материнского типа, и производного от него.

Рис. 3а. Схема модификации – увеличения типа

Другой путь типообразования – распредмечивание типа: выделение и типизация конструктивного элемента исходной формы, имеющего какой-либо значимый утилитарный или экстраутилитарный смысл (рис. 3б). Происходит **деление типа**, вычленение и типизация его частей с последующим возможным переносом тип-элемента в новой комбинации с другими элементами и на новый материал. Например, какие-то элементы античных архитектурных ордоров могут быть использованы в более поздней архитектуре.

Рис. 3б. Схема модификации – деления типа

В третьем ряде случаев типизации подвергается сложившееся и устойчиво воспроизводимое сочетание типов (**комбинация типов**), наблюдаемое, например, в ношении одежды, обстановке усадьбы или бензозаправки, интерьера кафе или храма (рис. 3в). Типизированные широкие сочетания типов бытовой искусственной среды осмысляются как «стили эпохи», в совокупности с присущей им жизнедеятельностью – как «образы жизни» (в англоязычной археологической литературе в этом же смысле – lifestyles).

$$(\text{Тип}_1 + \text{Тип}_2 + \text{Тип}_3) = \text{Тип}_4$$

Рис. 3в. Схема модификации – комбинации типа

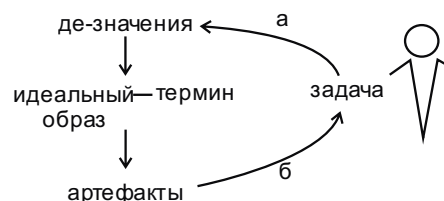
Сходная идея высказывалась американскими антропологами ранее, но объяснялась иначе: информация может быть слита с другой информацией, передана полностью или частями (Eerkins and Lipo, 2007, p. 252). В каких-то случаях культурная информация может быть подхвачена, слита (hitchhike) с другой информацией (Lyman, O'Brien, 2003). Такой подхват есть что-то вроде аналога «обломка ДНК» (“junkDNA”) в геномной трансмиссии, где куски генетического кода способны вставлять себя в геном и быть воспроизведенными.

Далее, заявив о непрекращающемся процессе типизации окружающего мира, включая вещи и их смыслы, постулировав природу этого процесса как обыденную работу сознания со знаками, мы должны показать довлеющий характер в определении типами социального поведения, в том числе сознательной деятельности. Мы исходим в этом вопросе из четырех базовых допущений. Во-первых, типизацией охвачены все стороны социальной жизни, и существует культурное предложение типов поведения и стереотипов производства и использования артефактов во всех сферах деятельности. Во-вторых, это предложение имеет избыточный характер. Это означает, что в значительном количестве случаев человек имеет возможность выбора между предложенными культурой способами решения проблем. Свобода маневра и выбора детерминирует поведение человека как «игру по правилам». Это то, что П. Бурдьё характе-

ризовал как габитус: «продукт практического чувства, как чувства игры, особой социальной игры, исторически определенной, которая усваивается с детства через участие в социальной деятельности. ... Это предполагает постоянное изобретение, необходимое, чтобы адаптироваться к бесконечно разнообразным ситуациям, никогда не бывающим совершенно идентичными. Это не обеспечивает механическое подчинение эксплицитному, кодифицированному правилу» (Бурдьё, 1994, с. 98). В-третьих, выбор наличных типов означает и самоидентификацию человека в системе культурных координат. В-четвертых, следование типу как идеальному образцу всегда есть не более чем ориентир. Реальность же характерна недостижимостью и отклонениями от идеальной формы в той или иной степени. В одних случаях это обусловлено некачественным материалом, либо недостаточным мастерством исполнителя. В других случаях назовем творческую модификацию, которая при счастливом раскладе может привести к новому типобразованию.

Следующий этап существования типа как знака состоит в реализации его в аспектах понимания и включения в деятельность. Мы видим здесь два режима работы типа.

В первом случае (рис. 4а) речь идет о таком типе ситуаций, когда сталкивающийся с очередной задачей субъект деятельности использует для ее решения наличные в культуре стереотипы инструментального решения через производство и употребление артефактов определенного типа. Иными словами, это ситуация **актуальной востребованности типа**.

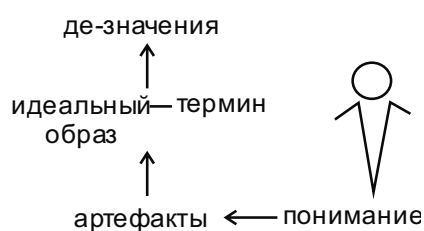

Рис. 4а. Ситуация актуальной востребованности типа

В другом ряде ситуаций (рис. 4б) для субъекта опознанный во встреченном им артефакте тип выступает в роли знака, репрезентирующего связанные с ним состоявшийся эпизод деятельности и смыслы

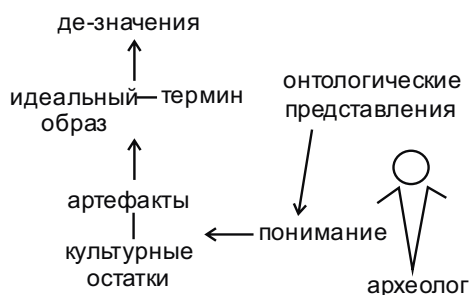

типичной включенности в хозяйственные, коммунальные, идеологические отношения. По сути, это ситуация **понимания, обеспеченного знанием субъектом артефакта как типа**. Артефакт или несколько артефактов выступают в роли сообщения, а в целом ситуация выглядит как коммуникация, в которой понимающий субъект считывает информацию. Однако, за исключением специальных эпизодов намеренной передачи сообщений, в основном ряде случаев это не коммуникация, поскольку производство и использование артефактов имело иные цели, нежели чем задача коммуникации (передачи-приема сообщений), и ситуация, таким образом, должна быть охарактеризована как псевдокоммуникация. Во всяком случае, мы считаем, что сами по себе артефакты без намеренного использования их в качестве знаковой формы сообщений не содержат в себе информацию как некое естественное свойство.

Рис. 4б. Ситуация узнавания артефакта как типа

Археологической разновидностью этого рода ситуаций (рис. 4в) выступает встреча археологом культурных остатков, воспринимаемых после определенных (источниковедческих, тафономических) процедур как артефакты.

Рис. 4в. Ситуация узнавания типа в артефакте археологом

Узнавание артефактов происходит именно благодаря их знаковой природе как части типа (элементов множества морфотипа). Знание об артефакте – представителе

множества – строится на основании статистических результатов морфологической группировки артефактов, свидетельствующих о наличии стереотипов целевого их производства / утилизации, а также знаний о территориальных и хронологических ситуациях (контекстах) их проявления в археологии. Собственное идеальное содержание типа, как правило, недоступно в силу культурно-хронологического разрыва. Принципиальной особенностью археологической ситуации понимания типов в культурных остатках, надстраивающей ее над «простой ситуацией», является наличие у археологов теоретических представлений об онтологии типа, артефакта, деятельности, направляющих познание. Понимание значения типа в этом случае достигается в результате реконструкции идеальной формы и типичных ситуаций производства и использования, личного владения, групповой принадлежности и пр. Идеальная форма типа не обязательно тождественна индивидуальным материальным ее манифестациям. Отклонения имеют природу случайности, индивидуальности актора. Основными аргументами в деле восстановления идеальной формы типа (мерономии по Л.С. Клейну (Клейн, 1991, с. 378)) выступают частота повторяемости морфологии артефактов, оценка усилий и времени, затрачиваемых на изготовление вещи этого типа, ритмичная (закономерная) организация формы. Степень глубины реконструкции стереотипов включенности артефакта в деятельность (денотатов и коннотатов) может быть различной, соответственно, также как и в межкультурной вербальной коммуникации, степень понимания может быть разной. Однако, еще раз подчеркнем, что, хотя благодаря типической природе артефактов, познание имеет семиотический характер понимания культурных остатков как знаков, в прямом смысле термина археологическая познавательная ситуация не является коммуникацией, поскольку акта семиозиса – производства сообщения изначально ни для кого, ни для древнего обитателя, ни для сегодняшнего археолога, не было.

Среди всех задач реконструкции типа важную роль играет оценка ценности или веса типа в культуре. Эта величина являет-

ся совокупным показателем коннотаций связи с элитарными слоями общества как символа престижа и власти, массовости производства-употребления, связи с идеологической сферой общества (идеосферой), стоимости предмета в смысле ценности материала, тщательности, трудоемкости и интеллектуальной емкости производства. Такое понимание возводится от представления Спенсером ценности вещей, измеряемой количеством труда, затраченного на изготовление и обладание ими. Здесь, на наш взгляд, уместна аналогия со сложившейся в археологии практикой оценки социального статуса погребенного по степени трудоемкости организации его захоронения, в том числе степени богатства погребального обряда и инвентаря (Binford, 1971).

Дальнейшее развитие характеристики онтологического содержания типов артефактов должно осуществляться за счет раскрытия поведения типа в различных деятельностных ситуациях, на различных этапах развертывания процессов существования типов в культуре обществ. Это, в частности, такие ситуации, как введение типов в культуру социальной группы – социализация типов в условиях отрицания типа-предшественника, трансляция типов внутри социальной группы и за ее пределы, устаревание, мемориализация и элиминация типов в культуре.

III. Два типа процессов, в которых участвуют типы

Тип как связка «идеальный тип (или собственно тип) – артефакт (вещественная репрезентация типа)» не является неделимой единицей, скрывающей его составные части. Не сложно увидеть автономное существование и, более того, существование в различных сферах и процессах его значения и знаковой формы. Идеальные типы как знания могут быть транслированы как вместе с их артефактами, так и без них. Равно как и артефакты могут быть отданы, захвачены или обменены без передачи их идеальных значений.

Наблюдение за современными и археологическими ситуациями дают нам вывод о том, что существование типов (идеальных

типов) в культуре общества имеет свою историю, содержащую время появления или заимствования типа, его распространения, устаревания и исчезновения из культуры. Это диахронное динамически переменчивое развитие типа и должно быть представлено как *процесс развития типа в культуре общества*. Этапы этих процессов мы можем, например, видеть в истории автомобилей каких-то моделей или архитектуры какого-либо стиля. Процесс существования типа в культуре представляет собой трансляцию идеального значения типа, знания (= идеального типа) во времени (межпоколенную передачу) и пространстве существования общества (в пределах исходного, «материнского» социума и за таковыми).

Различная временная протяженность существования типов артефактов наблюдается и в ископаемой культуре, и в действующей, живущей. Свидетельства существования усть-каренгского типа керамики (Ветров, 1992, 1995, 2011) указывают на время ее от 11,0 до 5 тыс. л. н., то есть около 6 тысяч лет. Данные о керамике устьбельского типа свидетельствуют о бытовании их в пределах раннего – позднего этапов неолита, примерно около 3 тысяч лет (Савельев, 1989; Бердников, Бердникова, 2007). Топоры «с ушками» в Средней Сибири существовали от рубежа плейстоцена до середины голоцена, около 6 тысяч лет (Липнина и др., 2013). Современная жизнь дает нам сходные возрастные примеры в лице предметов – символов христианской (нательные кресты) и буддистской (ваджра) веры. Эпоха массового производства и потребления, ускоряемого научно-техническим прогрессом, порождает быстротечность процессов появления и исчезновения типов вещей. В течение последних ста лет появились и ушли в небытие патефоны и граммофоны, перьевые ручки, зубные порошки, дисковые телефоны с угольным порошком в динамиках и многое другое. На рубеже XX–XXI веков появились и быстро исчезли пейджеры. Большой вклад в это дело вносит мода. Очевидно, что история утилитарных вещей и их типов более скоротечна, чем процессы существования знаковых вещей, связанных семиотически с

различными формами самосознания (религиозного, этнического, родового и прочих).

Транслируемые во времени и пространстве типы люди задействуют в решении деятельностных задач. Типы играют роль технологических знаний и образцов производства подобных артефактов и действия ими. Сам поиск и заимствование из культурного багажа типов как опробованного культурного опыта и производство по типу вещей есть процесс деятельностный, имеющий рациональную природу целеполагания, планирования, кооперированный с другими актами и сферами деятельности. В этом моменте и происходит «захват» или освоение деятельностью культурных норм. *Из режима трансляции типы переходят в режим актуализации.* Различение этих двух режимов происходит, когда, например, пользуясь вещами определенного рода, мы рефлекслируем на тему существования данной традиции. В этом моменте мы фиксируем сопряжение культурного процесса существования типа и деятельностного процесса, в котором артефакты типа произведены и задействованы (рис. 5). Длительность развития обоих процессов различна. Деятельностные процессы и акты краткосрочны, относительно культурного процесса имеют дискретный характер эпизода. Срок жизни артефакта различен, но в целом короче истории его типа. Типы обеспечивают множество однородных деятельностных ситуаций, в которых фигурируют производные артефакты. Сюжет появления типа в большинстве случаев не имеет актуального отношения к деятельностной зада-

че, для решения которой призван артефакт данного типа. Исключение составляют ситуации создания новых типов для культуры социальной группы, а именно: либо самостоятельное создание новых типов взамен старых, либо заимствование чужих типов и связанных с ними традиций, знаний, стереотипов и т. д. Ввод типа в культуру всегда происходит как деятельностная задача насущного в данный момент вопроса. В остальных ситуациях употребления «старых» типов история их происхождения не актуальна.

Описанное выше представление сопряжения культурных и деятельностных процессов является самым общим, абстрактным и потому исходным, необходимым для развития научного дискурса (подхода). Следующие шаги должны быть сделаны в направлении детализации наших представлений о деятельности, культуре и типах.

Трансляция типа

Механизмом воспроизводства типа является трансляция (*лат. Translation* – перенос, перемещение) – передача навыков и знаний по производству и использованию вещей данного типа. Она имеет межличностный и межпоколенный характер обучения – наследования культурных традиций. Реальность транслируемого типа проявляется всякий раз в производстве артефактов по его образцу. Производство артефактов есть *актуализация типа*. Совокупность имеющихся у людей стереотипов деятельности и присущих им типов орудий составляет культурный технический багаж со-

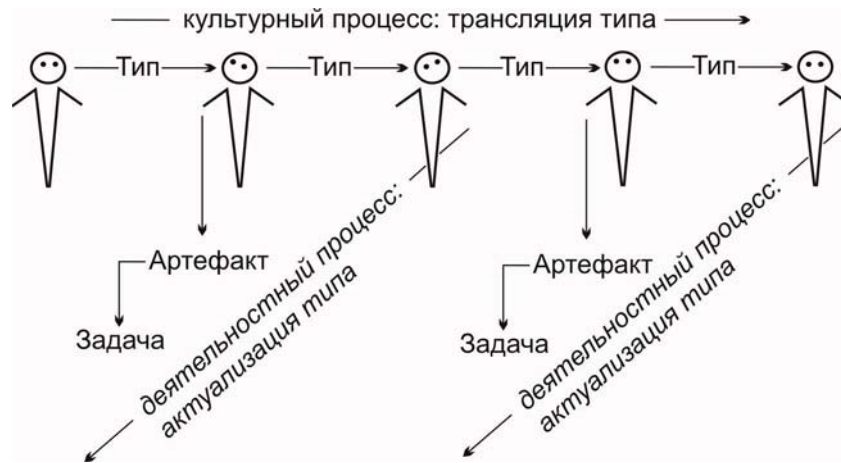

Рис. 5. Схема сопряжения процессов деятельности и культуры в эпизодах актуализации транслируемого артефакта

циума. Трансляция типа осуществляется как коммуникационный процесс. Передающая и принимающая стороны этого процесса имеют свои смысловые отношения к типу, проявляющиеся в различной заинтересованности в передаче. В этом смысле справедливо утверждение, что полностью адекватное восприятие транслируемого идеального типа проблематично. Простейшая, логически и исторически первая трансляция типа должна представлять собой персональную коммуникацию с использованием вербальных языковых и невербальных мимических средств. *Носителем* и передатчиком значений – знаний идеальных типов изначально является человек-актор. В наши дни трансляция-коммуникация имеет, по большей части, опосредованный характер передачи сообщений на отчужденных от актора-отправителя *носителях*: в книгах, газетах, через теле- и радиокommunikацию, на цифровых электронных носителях через Интернет и компьютерные сети. Передача знаний о типах может быть *институциональна* как обучение-образование. *В этом случае инициатива в осуществлении коммуникации исходит от передающей стороны.* Обучение рассматривается лидерами общества как важное условие социализации и энкультурации нового поколения. Институционализованная передача навыков и знаний о типах, как правило, осуществляет передачу к адресату не единственного типа, а многих.

Передача знаний о типах может иметь *окациональный* (актуально-случайный) характер. *В этой группе случаев инициатором на коммуникацию выступает принимающая сторона, нуждающаяся в помощи*

со стороны. Речь может идти о культурном опыте, узко ограниченном спецификой проблемы.

Передача знаний о типах (знакомство с новыми артефактами – типами) может проходить также и в *ситуациях свободного, не принужденного общения*, например, обмена новостями с людьми, входящими в одну социальную группу. Обозначим перечисленные три типа ситуаций трансляции от социальной группы индивиду культурного опыта как «энкультурация», «срочная помощь», «коммунальное общение» (рис. 6).

Общеизвестна положительная роль практики в обучении. Совместная деятельность обучающего и обучаемого помогает надежнее овладеть передаваемыми навыками вплоть до выработки моторной памяти и автоматизма в действии. Надо полагать, что в архаичном обществе эта роль была еще сильнее в смысле обучения через совместную деятельность. Мы считаем, что в этом случае термин «вербальная коммуникация» не совсем точно выражает суть. Более корректно будет именовать такую передачу знаний как «вербально-деятельностная коммуникация».

Каждый отдельный актер, являясь носителем культурной традиции, многократно воспроизводит ее, производя в течение своей жизни артефакты определенных типов. Артефакты, будучи материальными продуктами культурного производства, в свою очередь, могут быть проданы, обменяны, захвачены, подарены людям, принадлежащим другой культурной среде. Передача артефакта может быть проделана без трансляции присущего ему идеального значения типа, в частности, без технологии его изготовления. Воспроизводство типа одним

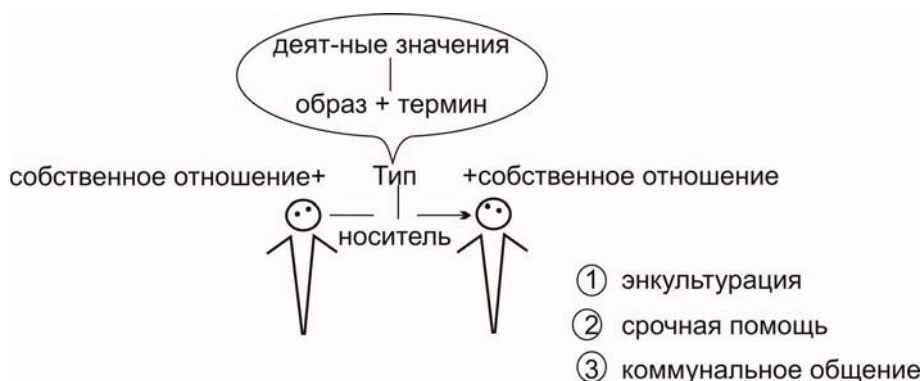

Рис. 6. Схема трансляции типа в ходе акта коммуникации

актором ограничено сроком его активного периода жизни. Продолжительность репрезентации типа отдельным артефактом ограничена сроком жизни вещей перед выпадением их из системы жизнедеятельности социума.

Эмпирически (археологически) мы «натываемся» на факты состоявшейся культурной трансляции типа в тех ситуациях, когда осознаем присутствие вещей одного (или, еще четче, того же самого) типа в разное время и в разных местах. Археология почти никогда не имеет дела с синхронными деятельностными ситуациями (особенно, если они разнесены территориально), чтобы предполагать одну и ту же руку мастера и одну и ту же партию изделий. Местное производство однотипных вещей дает основание говорить не только о передаче артефактов, но и о передаче идеальных значений типа (т. е. знаний и навыков производства и обращения с артефактами данного типа). Устойчивое сохранение стандарта типа может быть выражением плотных, регулярных межпоколенных и межтерриториальных коммуникаций, налаженных процессов передачи знаний новым поколениям. Разрыв этих отношений или ослабление может вести к усилению отклонений от типа, новообразованию типов (David, 1973; Bettinger, and Eerkens, 1999).

Носители типа

С точки зрения описания типа как знака, в семиотической перспективе, мы должны зафиксировать такую онтологическую позицию как носитель типа. Отношение к типам как к само-собой существующим в культуре по аналогии с генами, конечно, не может удовлетворять и должно быть проработано. Выше мы уже определились в представлении типа как знака, где артефакты – знаковая форма, а образ типа и знания о его производстве и задействовании в разных видах прагматики – значение, идеальный тип. Поскольку эти знания выражены в одной или нескольких из принятых знаковых систем, прежде всего, в вербальной – в языке, они свернуты в термин, либо символ. Сворачивание (своего рода, архивирование) знаний и отношений к типу

может принимать, по-видимому, различные формы, в том числе, мифопоэтические. Так, например, Бронислав Малиновский (Малиновский, 1998) указывал на прагматику мифа как руководства к действию в однотипных ситуациях. Роль термина-символа, или иконического знака (по Ч.С. Пирсу (Пирс, 2009)) типа, или артефакта как отдельного представителя типа состоит в катализации памяти в отношении значений типа.

Сегодня существует огромное множество носителей знаков: электронные носители разных видов и бумажные носители в виде книг, документации и прочего являются основными двумя классами носителей. История знает в виде носителей бересту, папирус, пергамент, глиняную табличку, камень. Все они представляют собою способность человека к репрезентации знаний на внешних, отчужденных от самого себя носителях, удовлетворительно пригодных для передачи, хранения и демонстрации сообщений. В отношении каменного века, позднего палеолита – неолита, еще рано говорить о развитой такой способности людей. При том, что, как минимум, существовала наскальная живопись, скульптура, керамика, несущая на себе различные символы-знаки (Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004), основными и единственными полноценными в смысле объема и точности передаваемой информации носителями значений типов были сами люди. В этом же смысле стоит утверждение, что люди – носители традиций. Коллективная социальная память, общественное сознание, культурный багаж или опыт, в итоге, суть хранящиеся в памяти людей и активно транслируемые стереотипы эффективного поведения и связанных с ними типов артефактов.

Типы и другие продукты культуры

Мы должны зафиксировать в нашем дискурсе связку «человек – тип – артефакт», причем зафиксировать как три вида продуктов культуры, с которыми связаны три вида культурной трансляции. Это суть: а) передача вещей-артефактов; б) передача в ходе персональной, вербальной и невербальной коммуникации знаний – значений типа, в том числе образцов поведения,

включающего употребление артефактов данного типа; в) перемещение людей-носителей значений типа. Эти три вида коммуникации могут протекать как независимо друг от друга, так и совместно. Можно полагать, что *с усилением интеграционных процессов в социуме или между двумя и несколькими социумами все три вида коммуникации будут иметь тенденцию к массовости, комплексности и взаимосвязанности (взаимодополняемости). Интенсивные коммуникации между разными коллективами людей неизбежно будут иметь комплексный характер обмена людьми, идеями, изделиями, ресурсами.* К примеру, в работе «Пути к власти» Б. Хайден, исследуя развитие трансэгалитарных обществ, указывал на стратегию контроля лидерами над обменом различных ресурсов – брачным обменом, престижным, экономическим, в частности (Hayden, 1995; Clark, and Blake 1996). Об этом же пути к власти в «Политической антропологии» писал Н.Н. Крадин (2004, с. 124). По-видимому, комплексный характер культурной трансляции имела кула, описанная Б. Малиновским (Malinowski, 2004 (1922), p. 157–158) система поддержания разносторонних (церемониальных, матримониальных, политических, экономических) социальных связей, в центре которой стоял обмен товарами между жителями островов к северо-западу от Новой Гвинеи.

История становления археологической науки прошла через этап концептуализации этих видов культурной передачи в виде научных подходов миграционизма и диффузионизма, развившихся со 2-й половины XIX века. Они достаточно подробно описаны историками науки (Trigger, 1990; Клейн, 2011). В каждом из этих подходов абсолютизировалась как генеральный объяснительный принцип либо идея изменения материальной культуры благодаря миграциям

населения, народов-этносов, либо идея культурной трансмиссии и диффузии – передачи идей и изобретений от одного этноса к другому. Археология как наука развивалась, безусловно, испытывая влияние письменной истории, чьи источники полны были сведений о переселении народов, этносы, как и их герои, были основными субъектами исторических событий. А с другой стороны, растущий национализм наложили отпечаток на археологию в виде подхода миграционизма. Антитеза ему, альтернатива и критика, основанные, в частности, на реконструкции распространения великих открытий Древнего Востока в Европу, выкристаллизовались в концепции диффузионизма и трансмиссионизма (Клейн, 2010). Здесь, в логике развития нашего курса, следующего в этом вопросе за Л.С. Клейном, видевшим задачу в синтетическом характере теоретического конструирования, который снимал бы антитезу миграционизма vs трансмиссионизма, эта оппозиция снимается за счет представления миграций и трансмиссий как видов трансляции. Речь о них должна идти как о трансляции разных видов культурных продуктов: а) либо людей-носителей культурных традиций, в том числе типов артефактов (рис. 7а); б) либо только типов и артефактов через коммуникацию, отчужденно от их исходных носителей (рис. 7б); в) либо только артефактов без сообщения присутствующих им культурных значений (рис. 7в). Причем, большинство археологов согласится в том, что это отнюдь не взаимоисключающие пути культурной трансляции.

Каналы трансляции продуктов культуры

Пути передачи, перевода – трансляции – продуктов, или материала культуры в том же значении, мы обозначим в нашем дискурсе как *каналы культурной*

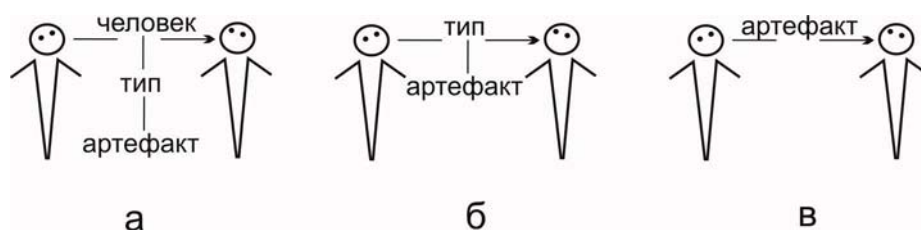

Рис. 7. Схема трансляции различных видов продуктов культуры

трансляции. Л.С. Клейн, выделяя каналы связи, имел в виду различные пути передачи информации в процессах энкультурации и социализации (Клейн, 1981, 2011б). Здесь, очевидно, беря во внимание передачу не только информации, но и артефактов и людей, задача описания каналов трансляции должна ставиться шире. По характеру передачи материала из многих источников одному адресату будем называть такую трансляцию *центростремительной* (рис. 8а). Передачу культурного материала из одного источника многим адресатам, соответственно, обозначим как *центробежную трансляцию* (рис. 8б). По характеру передачи продуктов культуры трансляция может быть *односторонней*, либо *двухсторонней* (рис. 8в). Эквивалентный обмен культурным материалом, как известно, именуется как *реципрокный обмен* (Салинз, 1999; Крадин, 2004; Артемова, 2009). Перераспределение собранных лидером общества ценностей-ресурсов – *редистрибуция* (Крадин, 2004). Двухсторонняя трансляция может быть несимметричной в смысле обмена разными видами материала культуры, например, это выкуп невесты за скот. Назовем такую трансляцию *разновидовой* (рис. 8в). Наконец, исторически-важный эволюционный переход в развитии обмена продуктами культуры произошел в результате появления специальных эквивалентов – средств облегчения и ускорения обмена, каковыми стали разные виды денег. Трансляция продуктов культуры может протекать внутри пространства социальной группы – ло-

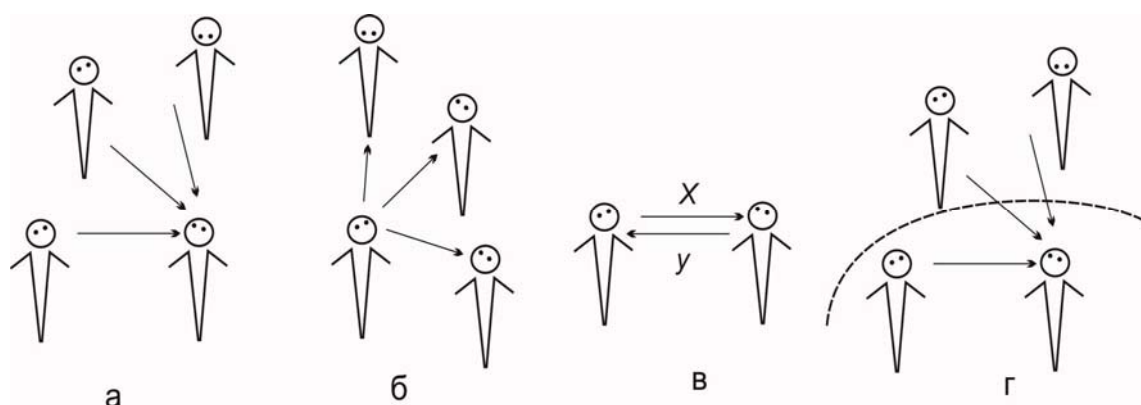
кального общества, либо пересекая его границы (рис. 8г).

Трансляция артефактов. Трансляция артефактов происходит как аспект поведения людей в пространстве либо в рамках процессов коммуникации-обмена (коммуникативная трансляция), либо как следствие территориальной мобильности носителей (транспортировка – мобильная трансляция) (рис. 9). В первом случае речь идет о передаче артефакта от одного владельца другому, или другим. Во втором случае мы имеем дело с переносом артефакта из места А в место В самим владельцем-пользователем.

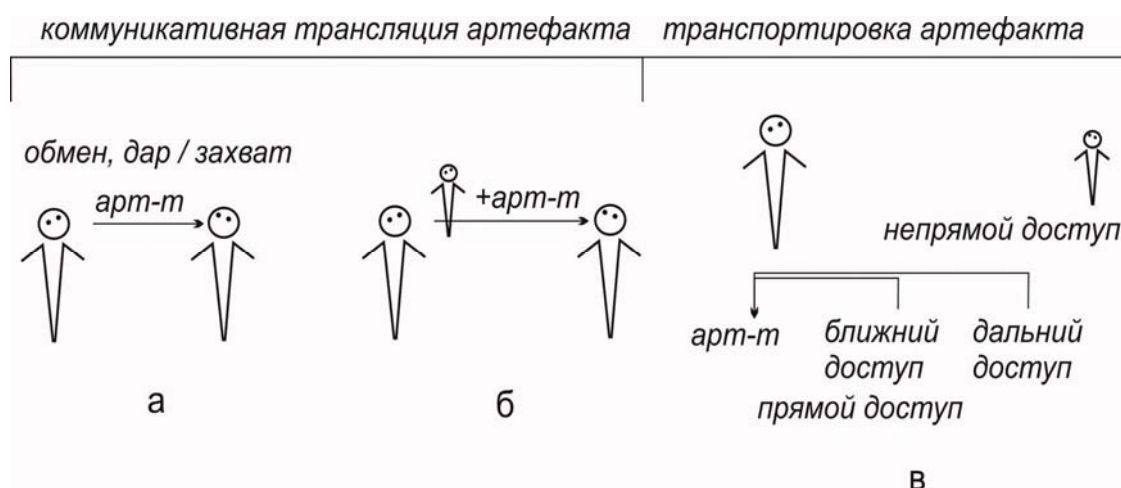
Вещи могут быть транслированы в социальную группу извне различными путями (каналами), например, такими как: а) дарение, торговля, обмен экономического и престижного характера, в целом, имеющие относительно *добровольный* характер (рис. 9а); б) военный захват, добыча, дань (рис. 9а); в) переход людей-носителей вещей из одной социальной группы в другую (рис. 9б).

Речь может также вестись о передаче уже готовых артефактов: а) новых; б) использованных («бэушный сэконд-хэнд»), либо сырья и полуфабрикатов, необходимых для изготовления артефакта (таковым, например, является российский сырьевой экспорт); в) либо на разных стадиях трансляции артефакты претерпевают производственную модификацию по схеме «сырье – полуфабрикат – продукт».

В зависимости от возможности прямого получения, либо через коммуникацию артефакты и исходные материалы должны

Рис. 8. Схемы видов трансляции: а) центростремительной; б) центробежной; в) двусторонней разновидовой; г) внутри социальной группы и межгрупповой

Рис. 9. Схемы трансляции артефакта: а) коммуникативная трансляция добровольного, либо насильственного характера; б) переход людей-носителей артефактов; в) транспортировка артефакта с источников прямого/непрямого, ближнего/дальнего доступа

быть определены как ресурсы прямого, либо непрямого доступа (рис. 9в) (Инешин, Тетенькин, 2011). Для ресурсов, происходящих с мест, охватываемых циклами обитания-мобильности населения (годовыми циклами, прежде всего), предлагается обозначение *ресурсы ближнего доступа*. Для ресурсов, выходящих за пределы циклической мобильности населения, соответственно, введем обозначение *ресурсы удаленного доступа*. Чаще всего это должен быть удаленный не прямой доступ. В этом случае транспортировка артефакта сопряжена с коммуникативной трансляцией.

Материальные артефакты включены в деятельностные процессы, имеющие иную актуальность, иные параметры развития, нежели чем культурные процессы существования идеальных типов. В частности, трансляция артефакта – его транспортировка – должна характеризоваться следующими показателями: 1) вес и другие физические свойства; 2) количество транспортируемого вещества; 3) средства транспортировки (лодка, волокуша, собачья или оленяя упряжка и др.); 4) маршруты транспортировки (водный, по льду, вдоль реки, через водораздел и т. д.); 5) ценность артефакта как ресурса для удовлетворения индивидуальных и групповых (социальных) потребностей; 6) срок жизни-амортизации артефакта; 7) вид прагматики.

Для археологии важной особенностью вещественной трансляции (транспортировки) является ее территориальный характер

и, практически, «нулевые временные свойства». Срок жизни артефакта неизмеримо короче срока жизни его типа. Для артефактов утилитарной хозяйственной прагматики он достаточно короток, в пределах возможностей ограничивается сроком жизни нескольких поколений. Установление таких связей привлекательно возможностью выявления именно событий человеческой деятельности, моментальных в масштабе культурной и археологической шкалы, маркирования хозяйственно осваиваемых территорий, направлений мобильности древнего населения. На этой основе мы вправе говорить о синхронности освоения захваченных такой связью мест ландшафта и их функциональной (процессуальной) взаимосвязи.

Трансляция людей – носителей типов. Следующий тип трансляции материала культуры – трансляция людей – носителей типов. В той мере, в какой сознание людей сформировано культурой общества, люди сами являются продуктами или, в том же значении, материалом культуры. Как таковые люди могут быть расположены в одном ряду с другими видами материала культуры – типами и артефактами. Люди являются носителями идеальных значений – типов, производителями артефактов. Трансляция людей имеет свои каналы-пути, или иначе свою специфику, в общем случае охватываемую термином «миграция». Вслед за Ю.В. Бромлеем (1973) будем различать массовую и микромиграцию. Последняя будет иметь харак-

тер персональной, либо групповой (миграция отдельной семьи, общины, специфической социальной группы).

В наше время количество возможных путей миграции людей велико, и, пожалуй, трудно составить исчерпывающий перечень таких каналов. Это, например, добровольная смена жительства и вынужденная в роли беженца, учеба, работа, представительство, туризм, браки, депортация, оккупация, шпионаж и др.

Применительно к ситуациям древности, реконструируемым археологией, предложено довольно много перечней критериев миграций в работах ... (об этом: Клейн, 1973). Редукция этих разработок до «сухого остатка» в виде перечня типичных каналов миграции людей может иметь следующий вид. Люди – носители типов и вещей могут быть перемещены в результате: а) брачных связей; б) как военнопленные; г) маргиналы-изгои, «лишние» люди избыточного населения; д) как торговые и политические агенты; е) в результате переселения социальной группы, становящейся на новом месте: е-1) большинством; е-2) меньшинством; е-2.1) меньшинством господствующим; е-2.2) меньшинством подчиненным.

Один из самых фундаментальных видов персональной миграции, имеющий характер обмена людьми, безусловно, восходящий корнями к ранней первобытности, имеющий в основе своей принцип экзогамии, – брачный обмен (Hayden, 1995; Крадин, 2004; Артемова, 2006).

Особенностью трансляции людей как типа культурной трансляции является то, что типы переносятся самими носителями. Например, многим сельскохозяйственным культурам местное население Бодайбинского района Иркутской области и Ленского района Якутии в середине XX века было обучено ссыльными прибалтами – эстонцами, латышами, литовцами. Коммуникация как передача традиций имела растянутый характер совместного проживания в одной локальной социальной группе. Но в целом внедрение инноваций происходит быстрее и успешнее (легче), если они принесены людьми, влившимися в местное население, нежели чем они были бы заимст-

вованы трансляцией только знаний и типов, в частности.

Другой важнейший вид – массовая миграция. Именно она легла в основу археологических концепций миграционизма. Развитие их ведет к формированию общей теории археологических миграций. В отечественной археологии наибольший теоретический вклад в этом направлении сделан Л.С. Клейном (Клейн, 1973, 2010, 2014).

Каналы трансляции идеальных типов. Сегодня человечество накопило громадный опыт трансляции идей различными каналами. Из наиболее массовых назовем Интернет, телевидение, радио, печать. Прогресс идет по линии способности отчуждения в знаковых формах идей от людей и переноса на иные носители. Магистральная линия, судя по всему, состоит в развитии скоростей оперирования знаками-текстами сообщений, конвертации с одних носителей на другие, хранения-архивирования и оперативности развертывания, роста объема оперируемой информации. В этом отношении электронные носители знаний и сетевое их объединение в глобальный Интернет дают впечатляющие результаты. «Эре Интернета» предшествовал исторически долгий период книгопечатания, и традиция опоры на бумажные носители текстов до сих пор в очень многих сферах (включая делопроизводство и судопроизводство, а также и систему образования) сохраняет доминирующие позиции.

Основным способом передачи знаний, в том числе типов артефактов в дописьменных, догосударственных, так называемых, традиционных обществах мы считаем персональную коммуникацию на вербальной основе. О вербальном характере межличностной коммуникации именно лишь как об основе можно говорить, полагая возможность сопровождения речи невербальными средствами ее усиления: жестами, мимикой, имитацией, демонстрацией (Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004). Археологам каменного века известны такие типы знаков как иконические рисунки и скульптуры, индексы – абстрактные ритмичные орнаментальные простейшие знаки – короткие «зарубки», длинные линии,

«точки» и пр. (Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004; Кокорина, Лихтер, 2010). Уровень развития знаковых систем в позднем палеолите – мезолите, вероятно, также и уровень развития способностей мышления и в том числе семиозиса – кодификации идей в знаковых формах – не допускали иных, безвербальных способов передачи технологий производства и многообразных смыслов включения в деятельность артефактов.

Таким образом, мы исходим как от базовой посылки, что идеи типов могут быть заимствованы через персональную коммуникацию: а) внутри социальной группы, прежде всего, родственной группы, между членами коллектива; б) через контакты людей в пограничных районах; в) через контакты с людьми, перемещенными на данную территорию; г) через контакты людей-представителей, перемещенных в чужую территорию и социальную группу. Общение, знакомство с чужим опытом, обучение через совместную деятельность являются механизмами передачи технологий изготовления артефактов. В случае систематичной и повторяемой коммуникации можно ожидать большего успеха в усвоении знаний получателем, чем в результате случайной и разовой ситуации.

Л.С. Клейн упоминает каналы связи – это очаги энкультурации и социализации личности такие как семья, школа, двор, армия, литература и др. (Клейн, 2011б, с.466).

Л.Л. Кавалли-Сфорца с соавторами (Cavalli-Sforza et al., 1982) предложили такие каналы трансляции (трансмиссии) как передача от родителей к детям (вертикальная трансмиссия), от сверстника сверстнику (горизонтальная трансмиссия), от одного (учителя) многим (ученикам), от многих одному.

В археологии критерием трансляции идеальных типов является обнаружение морфо-типологически однозначных вещей, сооружений, деталей в разных пунктах, разного времени и в каждом случае местного производства. Так, например, распространение желобчатых наконечников Фолсом на Великой равнине США на рубеже плейстоцена – голоцена оценивается в ключе сети отношений культурной транс-

миссии (MacDonald, 1998). Диффузный характер распространения типов и их артефактов породил в археологии концепцию диффузионизма (Клейн, 1973, 2010, 2014; Trigger, 1990). Она является антитезой и альтернативным объяснительным подходом миграционизму, предлагая взамен идею импортов, влияний, заимствований.

Комплексный характер трансляции

Выделенные виды трансляции условны в смысле ограниченной их самостоятельности. За общее правило следует полагать комплексный характер их проявления, причем, чем более интенсивны контакты между двумя или несколькими социальными группами, тем более комплексный и разнообразный характер принимает коммуникация. Так, вслед за обменом вещами и наряду с ними во множестве этнографических случаев можно наблюдать обмен разнообразными знаниями и в том числе технологиями производства артефактов (т. е. типами артефактов), а также брачный обмен. Более того, лидеры социальных групп все многообразные виды обмена берут под свой контроль с целью усиления личного авторитета (Hayden, 1995; Hayden et al., 1985). Аналогично и миграция населения сочетается с диффузией и аккумуляцией, трансформирующей локальные культуры (Kristiansen, 2005a: 78). По мере возрастания интенсивности социальных связей возрастают плотность и многообразие линий обмена культурным материалом: идеями, людьми, вещами. Скажем, на начальном этапе завязывания социальных отношений между двумя и несколькими социальными группами мы увидели бы единичные, инициальные контакты, такие как обмен дарами, имеющий реципрокный характер. С развитием межгрупповых отношений обмен вещами примет массовый характер и будет иметь не только социально-престижную, но и экономическую прагматику, а поверх него разовьются линии обмена брачными партнерами, обмен идеями и в том числе технологиями – идеальными типами. На этой основе налаженных многообразных обменных связей логически допустимо вырастание надстроеч-

ных структур социальной интеграции сверхуровня (Зиновьев, 2000; Крадин, 2004).

Барьеры трансляции

Распространение вещей прямым обменом и опосредованно через перенос людьми и передачу, и воспроизводство идей имеет диффузный характер. Можно вновь вспомнить примеры широкого трансрегионального бытования вещей и технологий их изготовления. Это, например, торцовые нуклеусы для снятия микропластин. Широкое распространение артефактов проходит сквозь культурные границы локальных человеческих популяций. Иначе эти границы можно определить как барьеры на пути трансляции технологий и артефактов.

Барьеры трансляции, таким образом, – это препятствия на пути передачи-обмена продуктами культуры, осложняющие или вовсе не допускающие прохождение данных процессов (рис. 10).

В наши дни к барьерам трансляции можно отнести: 1) языковые; 2) религиозные; 3а) государственные-управленческие; 3б) государственные-идеологические; 4) субкультурные социально-психологические (гендерные, возрастные, классовые, сексуально-ориентированные, лагерные и др.); 5) этнические; 6) интеллектуальные; 7) технического обеспечения; 8) индивидуально-психологические; 9) географические и другие препятствия. Применительно к архаичным, логически простейшим и исторически ранним обществам допустимо

ожидание действия в той или иной мере всех данных барьеров за исключением государственного. Однако само по себе отсутствие государства не означает отсутствия в социуме функции и сферы политического властного управления и лица или группы лиц, выполняющих эту социальную – потестарную – роль (Зиновьев, 2000; Крадин, 2004). Большинство барьеров культурной трансляции можно определить как культурные границы социальной группы.

Суть значительной части культурных границ-барьеров лежит в механизме идентифитета: выставлении для своего поля границ «свой – чужой». Наибольшее предпочтение стать «своими» имеют те артефакты, что были интериоризованы, то есть психологически воспринимаются как «свои». Это возможно, по-видимому, когда: а) артефакты данного типа здесь изобретены, либо модифицированы; б) стали «своими» в силу длительного их обращения в деятельности; в) имеют знаково-символический характер в культуре, играют определенную роль в идеологической сфере, по А.К. Байбурину, обладают высоким семиотическим статусом (семиотический статус вещи – конкретное соотношение «знаковости» и «вещности» и соответственно символических и утилитарных функций (Байбурин, 1989, с. 71)).

Для иноэтничного окружения артефакты становятся «чужими» в обстоятельствах восприятия их как символов, репрезентирующих собой чужой этнос, социальную группу. Это могут быть намеренные

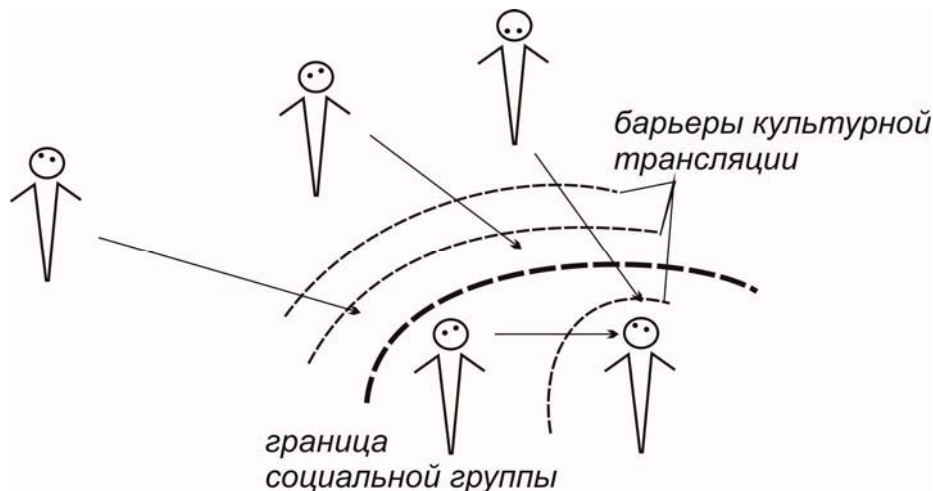

Рис. 10. Схема барьеров культурной трансляции

маркеры-индексы либо ненамеренные символы – вещи, исторически ассоциирующиеся с данной чужой группой. Большую вероятность стать таковыми имеют, по видимому, предметы экстраутилитарного, знаково-символического назначения.

Перевод артефактов и их типов через границу «свой – чужой» происходит благодаря ряду условий:

А. Оценки получаемой с употреблением артефакта пользы, которая перевешивает все возможные негативные последствия и которая выше эффективности собственных, местных аналогов.

Б. В результате предпринятых мер по интериоризации артефакта. Например, это может быть модификация его формы. Сохраняя свойства артефакта, необходимые для выполнения основной его функции (денотат), люди изменяют форму, имеющую дополнительные значения (коннотат). Часто такая модификация выражается в нанесении на форму знака-индекса, маркирующего принадлежность к новой социальной группе.

В. Экспорт артефакта в иную социальную среду возможен также, если получатели в силу соответствующего образовательного, культурного уровня способны к восприятию и воспроизведению технологий получения артефактов и их употребления. Чем ближе уровни развития культуры обеих, принимающей и транслирующей сторон, тем больше шансов для реализации этого условия. Отсутствие надлежащей сырьевой базы может стать препятствием для усвоения инновации.

Г. Какая-то группа предметов имеет своей основной функцией обеспечение пограничной коммуникации. По-сути, это артефакты – коммуникативные медиаторы. Это, например, верительные грамоты, подарки.

Д. Импортные предметы рассматриваются как средства поднятия социального престижа новых обладателей.

Еще один из существенных факторов, способных выступить в роли барьера трансляции, либо наоборот стимулировать ее, является плотность населения. В первобытных обществах с присваивающей экономикой плотность населения есть величи-

на производная от концентрации пищевых ресурсов на территории (Jochim, 1981). Чем большими пищевыми ресурсами обладает экологическая ниша, тем выше плотность населения. Рост ее идет как за счет воспроизводства автохтонного населения, так и за счет пришлых групп, привлеченных благоприятными условиями жизни. Собственно большая плотность населения вместе с оседлостью и правами доступа и контроля за пищевыми ресурсами всегда являлись факторами социальной стратификации и политогенеза (Hayden, 1995). Возникающие вслед за этим конкуренция и конфликты в борьбе за ресурсы становились барьером для свободного обмена культурным опытом. Межгрупповые браки и трансрегиональная престижная торговля, являясь способами мирного решения конфликтов интересов, наоборот, становились каналом обмена вещами, технологиями, людьми.

Низкая плотность населения, обусловленная низкой пищевой продуктивностью территории, порождает такие особенности социальной жизни как территориальная рассредоточенность популяции (этнической группы). Отсюда напряженность поддержания экзогамных брачных отношений побуждает к открытому и толерантному отношению к пришельцам. Дисперсное расселение группы становится причиной низкой сопротивляемости к инокультурным инновациям. Сопутствующим и побуждающим мотивом здесь должен быть низкий барьер идентичности, слабая степень осознанного противопоставления этнически «своего» «чужому». Индивидуальное, в течение значительного времени года изолированное хозяйствование побуждает в борьбе за существование к активному заимствованию эффективных адаптационных, технологических инноваций. Отсутствие четких политических, родовых границ для населения территорий низкой продуктивности, кочевые миграции значительного диапазона также ведут к культурной открытости, прозрачности культурных границ для инноваций. В целом, можно утверждать, что низкая плотность населения является фактором, благоприятствующим культурному обмену.

Вместе с низкой плотностью населения факторами, замедляющими культурный обмен, нарушающими нормальный, систематичный его ход, то есть выступающими в роли барьеров, являются такие географические особенности, как изрезанность береговой линии, орографические или пустынные барьеры, удаленность территорий обитания одних социальных групп от других, границы различных ландшафтно-климатических зон и агрегативность биоресурсов, концентрированных в дискретных экологических нишах, приводящая к борьбе за ресурсы.

Е. Эркинс и К. Липо (Eerkins and Lipo, 2007) обращают внимание на когнитивные структуры, которые они в том же смысле, что и введенный нами термин «барьеры трансляции», именуют фильтрами. «Внутренне люди пропускают информацию через когнитивные структуры (или фильтры), которым обучаются (Gabora, 2004) и к которым жестко привязаны (Tooby and Comsides, 1992), таким как биологические ограничения человеческого тела (Eerkins, 2000; Eerkins and Lipo, 2005). Эти фильтры влияют на контент и на контекст, и на мод, в которых трансмиссия информации имеет место и может трансформироваться, отсеиваться и добавляться к переданной информации. Как таковые они производят очень сложный эволюционный процесс сравнительно с генной трансмиссией» (Eerkins and Lipo, 2007, p. 264).

Принимая во внимание этот довод, мы полагаем, что следует различать коммуникативные трансляционные барьеры индивидуального и группового уровня.

Стимулы трансляции

Смысловой противоположностью барьеров трансляции являются стимулы – обстоятельства, условия, способствующие успеху трансляции продуктов культуры. Например, Р. Бойд и П. Ричерсон сообщают, что коммуникация успешнее проходит между людьми, разделяющими: 1) общие убеждения; 2) общий дресс-стиль, диалект и другие, легко различимые культурные черты; 3) имитирующими успешных людей (Boyd and Richerson, 2005, p. 119). Успех трансмиссии зависит от аккуратности пере-

дачи и настойчивости в воспроизводстве, до тех пор, пока транслируемые варианты не станут моделями для других (Boyd and Richerson, 2005, p. 57).

Центральным пунктом своей концепции культурной трансмиссии Р. Бойд и П. Ричерсон (Boyd and Richerson, 1985, 2005; Richerson and Boyd, 2005) сделали стимулы привлекательности следования общепринятым моделям поведения (конформистская трансмиссия), моделям поведения успешных, престижных людей (престижная трансмиссия). К этим видам трансмиссии люди прибегают, когда, в частности, самостоятельная оценка выгоды инновации недоступна, затратна, и проще воспользоваться чужим опытом (Boyd and Richerson, 1985, p. 135–136). Это не прямые стимулы культурной трансмиссии. К ним Бойд и Ричерсон добавляют и собственно прямой стимул – рационально осознаваемое преимущество предлагаемого культурного варианта. Такой рациональный стимул они определяют как естественную культурную селекцию (Richerson and Boyd, 2005, p. 69).

Глубина восприятия транслированного типа

Выше мы уже назвали интеллектуальный барьер коммуникации, упоминали и о сложностях восприятия типа, связанных с отсутствием необходимых технических и сырьевых условий. Логика действия этих барьеров ведет к различной полноте восприятия транслируемого типа. Масса этнографических примеров, отдающих анекдотизмом ситуации, свидетельствует о непрофильном использовании вещей индустриальной культуры, связанным с непониманием их назначения. Оттолкнемся от этого «нулевого» уровня трансляции, означив его как *фетишная трансляция* (рис. 11а). Под этим будем иметь в виду получение вещи без восприятия ее идеального типа и наделение ее несвойственными изначально значениями. Фактически, это чистый ресемииозис с полным отсутствием в новом значении следов предшествующего. Чаще всего, понятно, что люди «используют айфоны для пускания солнечных зайчиков», потому что имеют место существенно

отличные культурно-образовательный и технологический уровни передающей и получающей сторон.

Следующий в развитии глубины уровень восприятия транслированного типа представляет понимание принимающей стороной основной функции артефакта, заинтересованность в нем именно в смысле запроса на эту функцию и, соответственно, потребление. Такой трансляцией, например, является торговля, экономический обмен. Одна из сторон приобретает артефакты-товары для своих нужд, произведенные второй стороной. Назначение этих артефактов как средств деятельности известно. Поскольку усваивается лишь одна или ограниченный набор функций артефакта и его типа, назовем этот уровень как *неполная трансляция типа* (рис. 11б).

Третья степень глубины трансляции представляет собой *полную трансляцию типа* (рис. 11в). Речь идет о передаче всех основных компонентов типа: артефактов, термина, идеального значения типа, включая связанные с ним образцы деятельности и поведения. Вполне вероятно, что не все сопутствующие коннотативные смыслы будут адекватно восприняты, более чем вероятно, что будут присвоены новые, но будут переданы технологии производства ти-

па и налажено такое производство. В нашей тематике финального палеолита – мезолита Восточной Сибири, Дальнего Востока и Аляски наиболее зримым примером феноменом такой полной трансляции типа является распространение микропластинчатого расщепления.

По В.С. Николаеву, Т. Масумото, М.С. Кустову, в начале II тыс. н. э. в Предбайкалье были попытки местного производства бронзовых зеркал китайских типов, но все отливки были низкого качества. Освоить технологии производства зеркал адепты не смогли в полной мере (Николаев и др., 2008, с. 192).

Две упоминавшиеся уже модели полной трансмиссии технологий – *indirectly biased* и *guided variation transmission* предложили Бойд и Ричерсон (Boyd and Richerson 1985, р. 94–95, 243; Bettinger and Eerkins 1999, р. 236). Передача под косвенным влиянием (*indirectly biased transmission*) – по замыслу авторов, есть усвоение новой технологии полностью, без отклонений, когда воспроизведенная деятельность и ее продукты, например, наконечники стрел, заимствуются идентично предпочтительному образцу. Этот тип трансмиссии предполагает групповое обучение, он производит гомогенную в смысле усвоенного

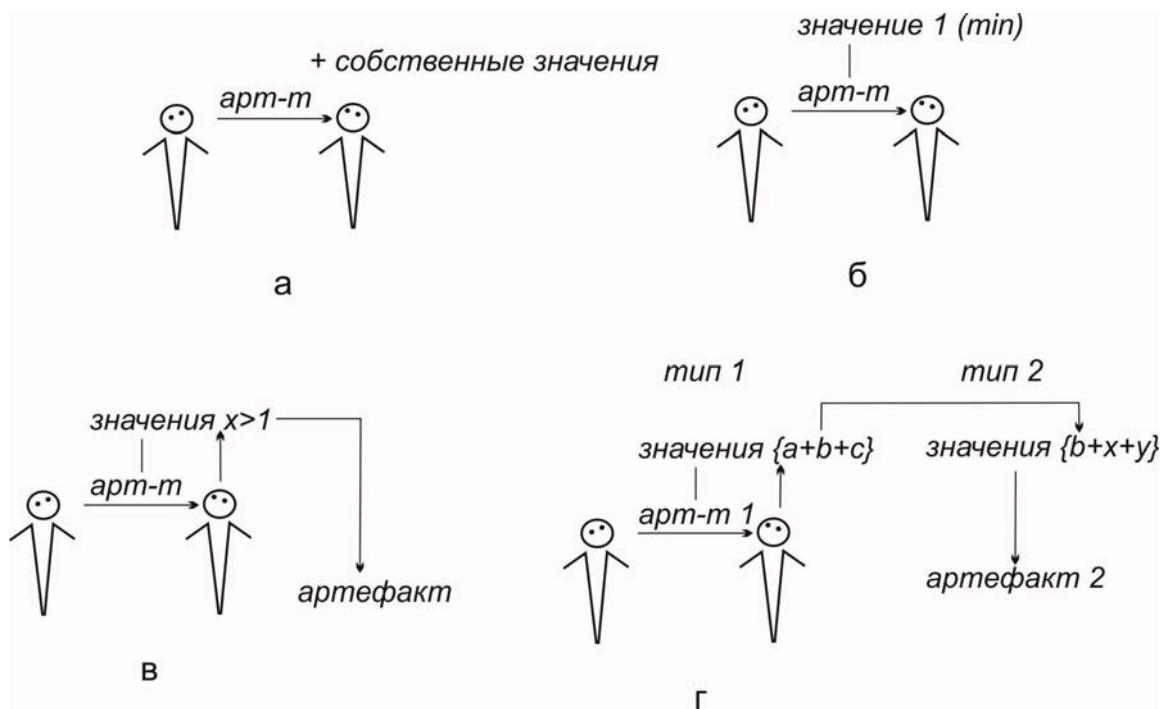

Рис. 11. Схемы различной глубины трансляции артефакта и его типа: а) фетишная трансляция артефакта; б) частичная трансляция типа; в) полная трансляция типа; г) распределенная трансляция

образца деятельности социальную группу. Передача *guided variation* предполагает индивидуальное обучение существующим в культуре образцам путем проб и ошибок, личной подгонки и модификации. В результате новые образцы производства по перенятой технологии будут значительно варьировать в зависимости от индивидуального почерка и статистически отличаться от образца. Авторы работы о наконечниках Калифорнии и Невады указывают, что такая трансляция возможна в условиях существующего языкового и этнического барьера и иных причин (Bettinger and Eerkins, 1999). С нашей точки зрения, среди главных причин следует говорить о нестройной передаче типа с выпавшим рядом его значений в случае *guided variation* (проведенного варианта) трансмиссии, и более строгой в смысле полноты значений трансляции типа во втором случае *indirectly biased* (непрямой стимулированной) трансмиссии.

Последнюю и наивысшую степень трансляции и глубины ее восприятия мы видим в ситуациях распредмечивания типа, о чем выше уже говорили. Это способность принимающей стороны использовать отдельные аспекты технологий и формы типа в совершенно других целях и ином типопроизводстве, способность найти новое применение существующим изобретениям, например, пороху. Массу таких примеров представляет архитектура с элементами античных и средневековых ордеров, керамика с узнаваемыми элементами заимствованного декора, упомянем также примеры перекликания (использования) мотивов орнаментов ымыяхтахской керамики и сейминско-турбинских бронз (Федосеева, 1980). Обозначим этот уровень как *распредмеченная трансляция* (рис. 11г).

Получение индивидом знаний о типах. Привнос в культуру социальной группы знаний о типах

Основным способом передачи социумом (локальной социальной группой) индивиду типов, как известно, является обучение, или энкультурация, социализация. В ходе нее с детских лет от старших членов коллектива прививается основной комплекс

навыков управления процессами жизнедеятельности, в том числе и необходимый, принятый в данном социуме набор типов артефактов (рис. 12а). Со временем, как мы знаем, обучение приняло институциональный характер школ. К моменту инициации и обретения самостоятельного дееспособного статуса человек уже является носителем всего, или какой-то значительной части культурного багажа, включая типы. Соответственно, по необходимости человек обращается уже к собственной памяти, хранящей знания.

Если возникают ситуации нештатные в смысле отсутствия знаний, необходимых для их преодоления, индивид обращается за помощью к социальному окружению, к людям более старшим, опытным, авторитетным. В архаичных обществах охотников-собирателей ближайшее окружение индивида будет состоять из родственников. В крайних случаях необходимости и отсутствия искомого знания в социальной группе индивид может обратиться за помощью во вне собственного социума, к другим группам (рис. 12б). Вероятнее всего, что обращение к внешним, соседним группам будет основано на существующих уже экзогамных брачных связях. Этот вариант заимствования знаний, включая идеальные типы, извне в социальную группу имеет окказиональный характер возникшей потребности и «точечного» в этом смысле запроса.

Однако значительная часть типов артефактов в социальную группу извне попадает независимо от внезапно возникших потребностей одного из ее членов. Заимствование типов происходит в процессах коммуникации, когда люди принимающей социальной группы, столкнувшись с новыми чужими образцами поведения и связанными с ними новыми типами, оценят положительно последние и проявят интерес к самим артефактам, во-первых, и к технологиям их производства, во-вторых (рис. 12в). Прагматика заинтересованности может быть как хозяйственная (то есть вещь нового типа эффективнее аналогичного собственного артефакта), так и социальная, связанная с возможностью повысить свой социальный авторитет и статус за счет обладания новыми импортными вещами. По-

сколькo зачастую в традиционных акефальных и потестарных догосударственных обществах внешние связи с миром и культурный обмен контролируют лидеры (бигмены, вожди) (Hayden 1995; Крадин, 2004), то вполне можно ожидать, что первыми обладателями импортных вещей будет элита. Во всех этих обстоятельствах заимствования обретение вещей и типов индивидом, а следом за ним и социальной группой, было делом намеренным и сознательным. Типы отчуждались от прежних своих носителей во внешних социальных группах.

Во множестве случаев социализации (в подавляющем большинстве случаев) заимствуются не собственно типы артефактов, перенимаются-передаются образцы поведения, типы деятельности, а уже в связи с ними те типы артефактов, которые необходимо связаны с осуществлением этой деятельности. Транслируются технологии производства артефактов, образцы применения их в работе, коннотативные оценки ценности, статусности и прочее. Важно подчеркнуть здесь, что заимствуется совокупность типов артефактов (рис. 12а).

Иное дело случаи внешних контактов с людьми, принадлежащими другим социальным группам. Здесь знакомство с типами может начаться и с другого конца – со знакомства с артефактом и конкретными манипуляциями с ним в труде (рис. 12в).

В ситуациях обращения взрослого (т. е. дееспособного, социализированного) индивида к опытному социальному окружению ответ будет содержать советы по коррекции усвоенного типа деятельности, правильности исполнения предписанных норм, операций, манипуляций с орудиями. В необходимых случаях могут быть переданы новые для индивида типы артефактов (рис. 12б).

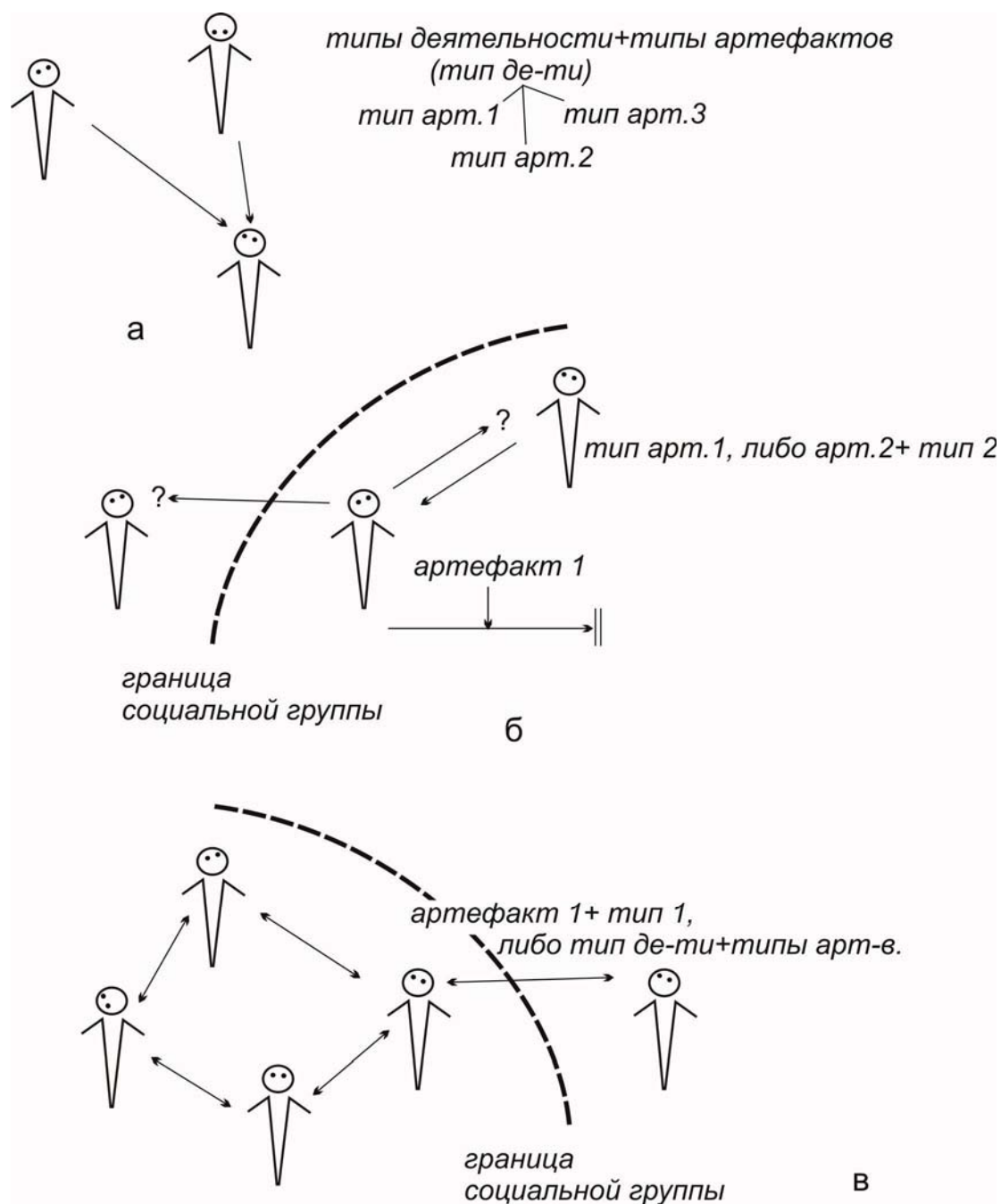
Общение индивида с социальным окружением имеет, конечно, постоянный характер, не только связанный с обстоятельствами «форсмажора». В таких немотивированных обстоятельствах может состояться знакомство индивида с новыми типами – «новинками», появившимися в культуре социальной группы извне, либо благодаря изобретению кем-то в самой социальной группе (рис. 12в). Мотивация принятия нового типа может быть различна: а) либо это

очевидная эффективность нового типа в сравнении со старым, типом-предшественником (*direct biased transmission*); б) либо это авторитет социально престижной части населения – бигменов, элиты, старшего поколения (таков, например, механизм трансляции моды в обществе) (*prestige biased transmission*); в) в некоторой части случаев принятие типа связано с манифестацией им как маркером локальной социальной субгруппы возрастного, полового, классового, профессионального или иного узкоспециализированного характера; г) возможен также конформистский мотив принятия типа вслед за большинством членов социальной группы (*conformist biased transmission*). Важно подчеркнуть, что все названные виды усвоения актором новых типов артефактов работают в различных ситуациях, через которые в своей жизни проходит человек. Если первый из них, энкультурация и социализация имеет некоторый возрастной рубеж, то остальные два такого ограничения не имеют. Из этого следует также, что ни один из них не может целиком представлять социум и, соответственно, как-то характеризовать его мобильность культурного восприятия.

Появление нового типа в культуре социальной группы

Существование типа в культуре социальной группы подвержено давлению со стороны новых входящих типов, альтернативных старому типу полностью или частично. Или иначе, *почти всегда место каждого нового типа занято уже существующим «старым» типом*. Знакомство с новым типом это, прежде всего, знакомство с новым артефактом. Это оценка способности его эффективно заменить: а) имеющийся артефакт в существующем виде деятельности; б) не только сам артефакт, но и предложить новый вид деятельности (например, новые айфоны функционально больше, чем телефоны). На пути нового артефакта и нового типа стоят *барьеры интeриоризации* (смены отношений «свой – чужой»), *интеллектуального и ресурсного соотвeтствия уровней сторон, принимающей и отчуждающей тип, семиотический статус вещи, связанный с утилитарной*

Рис. 12. Схемы получения типов артефактов актором: а) обучение, энкультурация – усвоение многих видов деятельности и принадлежащих им многих типов артефактов; б) обращение актора за помощью, коррекция типа имеющегося артефакта, либо передача нового артефакта и его типа; в) немотивированная коммуникация – знакомство с новыми типами

или неутилитарной социетальной либо идеологической прагматикой, инерция предпочтения старого новому.

С другой стороны, «свой» тип артефакта имеет преимущества культурной идентичности, длинной истории принадлежности людям (и в том числе предкам) данной социальной группы, поддержан авторитетом старшего поколения и в этом состоянии может выступать в роли маркера социальной группы, а затем, по мере уступки

позиций новому типу, в роли маркера какого-либо общественного сегмента (старого поколения, бедных слоев, окраинного населения и др.). В случае возникновения проблем с использованием артефакта нового типа люди могут вернуться к опыту использования старого испытанного артефакта. Так в случае поломки компьютера про запас хранится старая печатная машинка.

К. Кристиансен различает *инновацию* как часть продолжающегося процесса по-

степенного введения новых элементов и *инвенцию* как введение совершенно нового изобретения, который ведет к совершенно новым социальным практикам (Kristiansen, 2005b, p. 151). Примером инвенции может быть изобретение колеса.

Один из возможных механизмов распространения нового типа в культуре социума мы видим в механизме моды. Элита рассматривает артефакты нового типа как предметы, усиливающие престиж, принимает их и демонстрирует. Остальные слои общества в стремлении подражать нобилитету охотно перенимают новинки, имитируют, воспроизводят.

Стремление заменить выходящие из амортизационного срока жизни новые артефакты побуждает не только наладить их регулярную закупку, но и местное производство. С другой стороны, элита может быть заинтересована в ограничении доступа к предметам престижа низших слоев населения (Hayden, 1995).

Сосуществование типов с другими типами

Культура социума, отдельно взятой социальной группы, естественно, состоит из множества различных типов. Рамочным принципом, задающим упорядоченность типов в культуре, является действующая в обществе картина мира (worldview в культурной трансмиссии Е. Эркинса и К. Липо (Eerkins and Lipo, 2007, p. 244)). В его пределах мы можем вывести ряд закономерностей сосуществования типов с другими типами:

1. *Конкурентное напряжение.* Сосуществование с новыми, иными привходящими типами, о которых выше мы уже говорили.

2. *Наследование черт предыдущего типа.* Неоднократно отмечено, что новые типы несут ряд черт предшествующих им типов, функционально, возможно, уже и не нужных. Таковыми являются, например, ранние автомобили, имеющие форму карет и колясок (Степанов, 1997), галстук вместо шейного платка (Клейн, 2011а, с. 450). О. Монтелиус эти пережитки называл типологическим рудиментом, форма которого обусловлена прежним функциональным назначением предшествующего типа, в но-

вом типе уже не имеющим практического функционального назначения и изготовленным по традиции (Клейн, 2011а, с. 449).

3. *Сочетание с другими типами, обязательными в процессе и сфере данной деятельности.* Например, сочетание гвоздя и молотка, тарелки и ложки и т. п. Каждый вид деятельности имеет набор необходимых в работе инструментов, вещей, конструкций. Так, мы можем говорить о наборе инструментов хирурга, а также о вооружении первобытного охотника эпохи финального палеолита.

4. *Появление нового типа на основе данного типа.* Речь идет о непрекращающемся семиотическом процессе типобразования, материалом для которого может выступить и уже состоявшийся тип.

5. *Сосуществование с альтернативными типами-дублерами,* способными заменить данный тип, восполнить его недостатки, решить проблему иными техническими способами. Речь идет об адаптивной избыточности культуры: способности противостоять различным угрозам, решать задачи, имея для подстраховки альтернативные средства (Маркарян, 1983). Так есть несколько способов и приспособлений, чтобы разжечь огонь, есть различные виды транспорта, различные каналы связи, различные носители для хранения информации и т. д.

6. *Стилевое сочетание с другими типами по принципу маркирования групповой социальной идентичности и принадлежности.* Таковыми, например, могут быть сочетаемые друг с другом предметы престижа, или атрибуты различных субкультур.

Проблема определения границ социума (социальной группы)

Важным и до сих пор не обсужденным здесь вопросом являются границы социальной группы. Очерчивая их, следует определиться с самим термином «социальная группа», употребляемым нами. Абстрактно рассуждая, в пределах задачи выработки блок-схемы, изображающей механизм трансляции типов в культуре социума и востребования их в деятельностных ситуациях, мы должны очертить логические границы такого социума, а затем уже присвоить ему характеристики исторически и ти-

пологически первичных социальных обществ или автономных социальных групп. Присвоить те характеристики, которые выработаны современной социальной антропологией (Servise, 1971; Jochim, 1981; Testart, 1982; Кабо, 1986; Hayden, 1995; Салинз, 1999; Артемова, 2004; Крадин, 2004, 2012).

Мы будем исходить из определения социума как территориальной человеческой группы, локальной популяции, самостоятельной в воспроизводстве ряда обязательных отношений: а) демографическом воспроизводстве; б) воспроизводстве в сфере власти и управления, в) экономической сфере; г) идеологической сфере, обеспечивающей осознание людьми естественной легитимности социума, которому они принадлежат (Зиновьев, 2000). Эта легитимация происходит благодаря фиксации коллектива в мифологической, религиозной, космогонической картинах мира. Этой же цели служит механизм самоидентификации социума, определяющий границы «свой – чужой», закрепляемый этнонимами и политонимами.

Но совпадают ли, тождественны ли названные сферы в территориальных границах своего проявления? Если взять во внимание идеологическую сферу, то можно увидеть сосуществование различных – и локальных, и трансрегиональных уровней. Таковы, например, религии, в том числе и первобытные шаманистические верования. Они, по сути, не удерживаются политическими, этническими границами, границами локальных социальных групп. Если говорить о локализации экономического воспроизводства, то следует вспомнить, что единые национальные рынки и экономики возникают на очень позднем уровне политического и социально-экономического развития обществ. Так, например, известно, что натуральное хозяйство было одним из факторов феодальной раздробленности, то есть поля политических и экономических отношений в этом случае не совпадали. Применительно к простейшим локальным группам охотников-собирателей сфера экономического воспроизводства, очевидно, и будет ограничена этой отдельной хозяйствующей группой,

при этом следует, что она будет уже сферы экзогамных брачных связей. На мустьерских стоянках Молодова 1 и 5 этот социум-протообщина – локальная группа – предполагается состоящим из 4–5 нуклеарных семей (Анисюткин, 2013, с. 154). У приморских охотников-собирателей и земледельцев среднего – позднего голоцена Ю.Е. Вострецов (2010, с. 20) за единицу экологической адаптации принимает поселение, соотносимое с общиной.

Применительно к археологии Сибири должен быть поставлен вопрос о том, что следует считать единицей экономического воспроизводства, скажем, таежных охотников-собирателей? Должна ли это быть группа из одной или нескольких малых парных семей, кочующих вместе весь годовой цикл, или группа, к которой принадлежат охотники из разных резидентных групп, входящие в кооперацию в коллективных видах охоты? В любом случае следует признать наиболее вероятным несовпадение полей экономического воспроизводства и этнического идентитета. Тождественны ли в своих территориальных границах сферы хозяйственная и политическая (власти и управления)? В аспекте управления экономическим воспроизводством субъекты хозяйствования могут быть частично или полностью самостоятельны. Но кроме этого сфера власти и подчинения-управления включает в себя также военные союзы, брачные связи. И те и другие шире экзогамных хозяйственных коллективов и часто являются элементом политики увеличения престижа. Этой же цели служит престижная, символическая торговля, устанавливающая межэтнические связи (Hayden, 1995).

Очевидно, что поля брачных, политических, хозяйственных, идеологических отношений на догосударственном уровне развития обществ территориально не совпадают и не образуют закрытой системы. Лишь государство становится собирателем этих связей в рамках своего политического поля. Несовпадение этих полей является фактором большей проницаемости их границ. Государство является фактором, побуждающим к совмещению этих полей, за счет доминирования сети государственно-

политических отношений происходит искусственное оформление границ, в том числе и границ идентичности. В новейших условиях существования транснациональных корпораций, международных организаций происходит выход полей экономических и политических отношений за пределы поля государства.

Интересна в этом отношении статья П. Джордана и С. Шенмана (Jourdan and Shenman, 2003) «Культурная трансмиссия, язык и традиции плетения корзин у индейцев Калифорнии». В ней авторы выясняли, связаны ли как-то типы плетеных корзин в Калифорнии с определенными языковыми группами. Вывод, к которому они пришли, состоит в признании, что границы языковых групп не останавливают проникновения традиций плетения корзин и в их лице горизонтальную трансмиссию.

Локальные социальные группы – социумы – исторически имели разный тип организации на разных уровнях социальной эволюции (Гринин, Коротаев, 2012; Классен, 2012; Крадин, 2012; Скальник, 2012; Артемова, 2004). Существует, популярная схема Сервиса «локальная группа – племя – вождество – государство» (Servise, 1971 (1962); Крадин, 2004, 2012). Возьмем за исходный простейший тип общества – локальную группу. Попробуем сформулировать логически исходное, первичное состояние полей социальных связей, чтобы ответить на вопрос о границах социальной группы в каменном веке. Рассматривая локальную социальную группу как локальную человеческую популяцию, примем следующие характеристики: а) коллективистичность; б) реципрокный характер взаимоотношений; в) кровно-родственные отношения как основа всех социальных связей (Servise, 1971; Hayden, 1995; Артемова, 2009; Классен, 2012; Крадин, 2012). О.Ю. Артемова (2009, с. 477–480) полагает, что если коллективистичность вполне универсальна, то не является безусловной данностью для обществ охотников-собирателей эгалитарность; в каких-то случаях вырабатывались культурные механизмы социального выравнивания. По Б. Хайдну, адаптация людей в условиях территорий, бедных на пищевые ресурсы, и, как

результат, низкая плотность населения (менее 0,1 чел. на 1 кв. км) с неизбежностью ведут к эгалитарному поведению и этике (Hayden, 1995, С. 24–26).

На этой основе осуществляется кооперация в промыслово-хозяйственной (экономической) сфере; ряд видов деятельности и дефицит каких-то ресурсов, например, загонная охота и охота на сезонных миграционных путях требуют совместного участия охотников из соседних резидентных групп. Экзогамия брачно-половых отношений диктует установление устойчивых родственных связей с соседними человеческими популяциями (группами). На этом, надстроенном над первым, более высоким и территориально более обширном уровне развиваются отношения престижного и экономического обмена вещами, знаниями и людьми, обмена ресурсами удаленного непрямого доступа и реализуется более высокий тип власти (условно говоря, потестарная, патриархально-клановая власть, вождество), (об этом, например: Hayden, 1995, р. 42; Березкин, 2000). На этом уровне формируется также идеологическая система традиционной легитимности социума, одним из факторов которой является идентичность. Повторим еще раз, что это надстроенный над единичными экономически самостоятельными семейными-родовыми коллективами уровень, в который входят, во-первых, коллективы, связанные сетью экзогамных брачных связей, во-вторых, коллективы, образованные в результате разрастания материнских групп и их деления и отпочковывания боковых родственных групп. Формально можно признать этот уровень самодостаточным и объявить его пределы как искомые границы социальной группы (локального социума, общества). Однако, социальная реальность такова, что при приближении происходит аберрация границ. Отнюдь не гарантировано, что локальные человеческие популяции неизменно поддерживали одну и ту же сеть экзогамных связей, что пограничные, смежные коллективы, входящие в разные брачные системы, разные вождества и политические союзы, не обменивались брачными партнерами и ресурсами. Логически допустимы и исторически наблюдаемы

случаи насильственного подчинения одних родовых групп и вождеств другими. На этой нестабильной политической основе, по причине отсутствия сильной политической власти как стабилизирующего фактора происходит рекомбинация коллективов-партнеров экзогамных связей, обменных и идеологических систем (об этом, например: Коротаев, Крадин, Лынша, 2000, с. 35–36). О.А. Артемова пишет о том, что малые хозяйственные, резидентные группы дискретны, но состав их текуч, а стоящие над ними большие «лингвистические (диалектные) объединения» настолько аморфны, что вместо них более уместна категория «социальная сеть индивидуальных связей» (Артемова, 1987, с. 20; Артемова, 2009, с. 473). Не последнюю роль в устойчивости границ социальной группы играет географический – экологический фактор, определяющий возможность развития того или иного типа хозяйствования, диктующий необходимость оседлости, годичной мобильности или миграций. Можно рассматривать как один из возможных вариантов ситуацию, когда континуум однотипных ландшафтно-экологических условий с примерно равной плотностью ресурсов формирует непрерывность сетей связей всех типов социальных отношений, существующих на основе экзогамии и искусственно не ограниченных достаточно сильной для этого политической властью. В этом ключе находил объяснение культурной гомогенности австралийских аборигенов С.А. Токарев (Токарев, 1956, с. 150–151). В таких случаях границы социальной группы будут иметь индивидуально-фокальный характер: они будут очерчиваться по линии экзогамных связей исследуемой резидентной группы, при смещении фокуса на соседнюю и при этом брачно-родственную резидентную группу общая граница изменится.

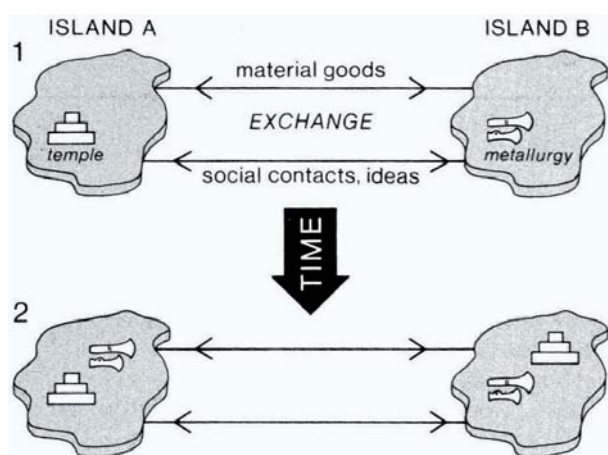
Сходным образом решалась задача определения единиц социальных групп у эскимосов-нунамиутов (David 1973, p. 277–303). Наибольшая социальная группа обозначена как «диалектное племя», экономически и лингвистически самостоятельное, со строгой тенденцией к заключению браков внутри социальной группы (Birdsell 1968, p. 232; Campbell 1968, p. 1; David

1973, p. 284). Оно же может быть представлено как региональная группа (бэнд), «на этом уровне действует большинство интеракций, вовлекающих людей в торговлю и многосторонние социальные действия» (David 1973, p. 287). Малая хозяйствующая единица определена как локальная группа (local band). Ее размер зависит от распределения ресурсов. Следствием циклов обилия/дефицита ресурсов является подвижность групп в композициях. Первичной основой организации групп среди нунамиутов, монтагнэй-наскапи, набесна является родство (David 1973, p. 285). Эта схема была применена в анализе социальной структуры раннего верхнего палеолита (Naoullian) Аквитании (David 1973, p. 277–303).

По-нашему мнению, географические барьеры среди всех допустимых барьеров культурной трансляции в палеолите и мезолите играли наиболее существенную роль в качестве границ социумов: трудно проходимые препятствия, значительные расстояния между локальными популяциями людей, различные климато-географические зоны приводили к разрыву регулярных культурных обменных связей. Ярким примером такого рода может быть сюжет миграции населения из Берингии через «бутылочное горло» коридора МакКензи между Лаврентийским и Кордильерским ледниковыми щитами на юг Америки. В результате сложилась культура наконечников кловис, распространенная практически на всей территории современных США и отсутствующая на Аляске (Васильев, 2004, 2009; Goebel, Waters, O'Rourke. 2008). В идеале самые обособленные друг от друга социумы – каждый на своем острове, как это выглядит в учебнике по археологии Колина Ренфру и Пола Бана (Renfrew, Bahn, 1991, p. 352) (рис. 13).

Блок-схема механизма трансляции типа

Следующий шаг в развитии онтологии типа состоит в формализации основных позиций механизма его трансляции. Технически эта задача должна быть решена построением блок-схемы. Исходным является представление об ортогональном сущест-

Contact between two islands has the effect that innovations on one (e.g. the building of a temple; metallurgy) may lead to similar developments on the other.

Рис. 13. Контакт между двумя островами имеет эффект в том, что инновации на одном острове (строительство крепостей, металлургия) может привести к сходному развитию на другом острове (По: Renfrew, Bahn, 1991, p. 352)

вовании и протекании процессов деятельности и культуры. В первых происходит актуализация типов в виде воспроизводства их артефактов и задействование их в деятельности. Во вторых протекает «жизнь» типов от появления в культуре социума до исчезновения. Это культурные процессы. О них речь впереди. До сих пор мы характеризовали различные сферы деятельности, в которых происходит передача типа в культуру социума и передача отдельному индивиду. Последний актуализирует тип, производя артефакт.

На представленной схеме (рис. 14) мы выделяем следующие позиции:

а) индивид-актор, производящий артефакт по образцу-типу и решающему, используя артефакт и связанный с ним образец поведения, деятельность задачи.

б) тот же индивид, испытывая трудности, в поисках альтернативного типа и связанного с ним образца деятельности обращается: б-1) к собственной памяти; б-2) к социальному окружению.

в) локальная, в первую очередь, семейно-родовая социальная группа людей, хранящих в своей памяти и обменивающихся разнообразными знаниями, в том числе о типах, передающих эти образцы индивиду:

в-1) в ситуациях социализации-воспитания (передача имеет комплексный характер множественности образцов поведения и деятельности впрям); в-2) в ситуациях случайной актуальности и необходимости (передача имеет срочный, целевой, или «точечный», специализированный характер); в-3) в ситуациях коммунальной коммуникации, условно говоря, свободного общения. В этих трех типах ситуаций реализуются вертикальная (межпоколенная) и горизонтальная (однопоколенная) виды трансляции.

г) внешнее окружение локальной социальной группы, состоящее в связях экзогамного брачного обмена, потестарной властно-управленческой интеграции, хозяйственной кооперации и товарного обмена. Происходит обмен с локальной социальной группой всеми видами культурных продуктов: артефактами, людьми, знаниями (типами). Вступают в действие факторы различной прагматики, глубины восприятия, различные каналы трансляции.

д) внешнее окружение, не имеющее вышеуказанных связей. На этом уровне вступает большинство барьеров культурной трансляции.

Составленная блок-схема имеет онтологический характер изображения всех основных, принципиальных структурных позиций механизма культурной трансляции, в том числе ввода типов в социум, трансляции и актуализации. Как нам представляется, введение схемы в археологические исследования будет иметь ряд результатов-последствий. Во-первых, она несет в себе избавление от представления о культуре как о некоей вещи-в-себе с исходящими функциями трансляции культурных типов. Пагубность такого отношения выражается в фетишизации культуры как чего-то трансцендентного, закрытого сознанию археолога, которому доступны лишь некоторые материализованные ее продукты. Соответственно, конкретные археологические исследования лишаются теоретической поддержки. Во-вторых, результатом ввода онтологической схемы должен стать этап отнесения полевых археологических данных по позициям схемы.

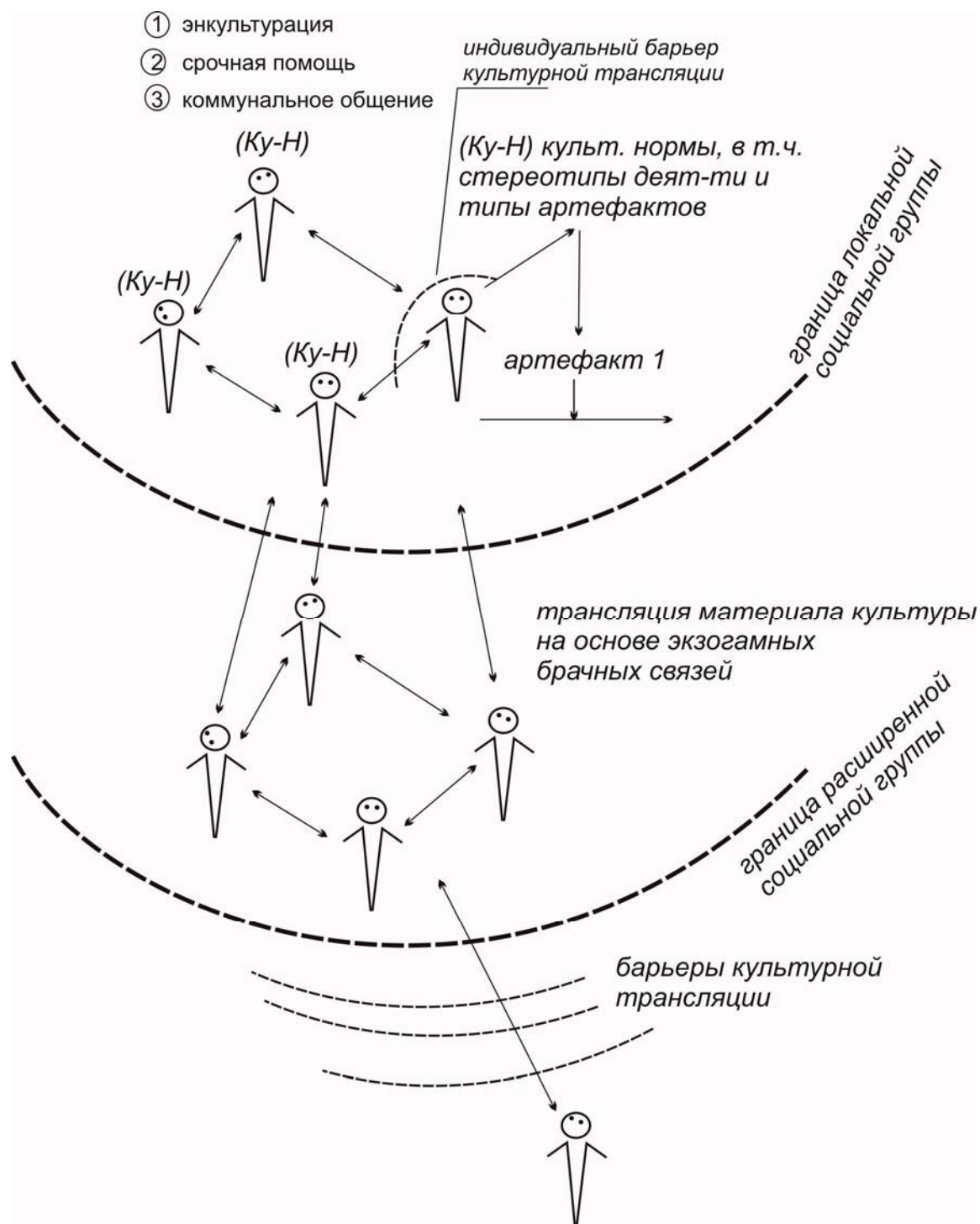

Рис. 14. Блок-схема механизма трансляции культуры

IV. Развитие типов

Собственно, сами типы вещей-артефактов не остаются неизменными в процессах трансляции и актуализации (производства и использования их артефактов). Они изменяются. Выше мы уже писали о непрекращающемся семиозисе вещей и типоброзовании. Для характеристики изменений состояния типа в культуре мы

вводим схему цикла развития типа. Цикл «жизни» типов представляет собой ряд этапов от появления до исчезновения, через которые проходят все типы (рис. 15): **1) внедрение versus изобретение типа; 2) распространение типа (в том числе трансляция в другую социальную группу); 3) старение типа; 4) элиминация versus мемориализация типа.**

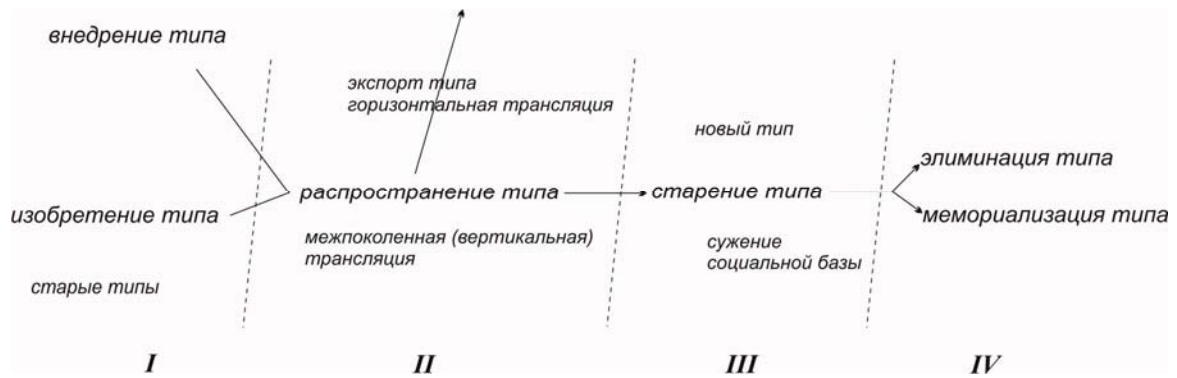

Рис. 15. Схема цикла развития типа

Появление типа

Появление в культуре социальной группы типа возможно как изобретение, либо как трансляция-заимствование. Введение типа всегда актуально: существуют реальные причины выбора людьми в его пользу.

Изобретение типа внутри самой социальной группы допустимо как результат творчества. В качестве возможной причины появления типа называют также ошибку (Boyd and Richerson, 1985, 2005). Тип возникает как результат подражания и воспроизводства удачного нового *единичного* артефакта. Новый тип как новация приходит на смену предшественнику. Это может быть функциональный заместитель, либо принципиально новый тип, порождающий новые сферы деятельности и новые социальные отношения.

Замена старого типа новым легче осуществима в утилитарной – незнаковой сфере. Напротив, в знаково-символической сфере, религиозной, в частности, новации могут быть приняты с большими трудностями. Замена может быть основана на рациональном отношении: новый тип эффективнее в разных параметрах (надежнее, легче, дешевле и т. д. прежнего). Другая логика замены – престижная: тип по каким-то причинам избран как маркер престижа социальной элиты и по логике социального подражания (моды) получил распространение во всей социальной группе. Новый тип будет принят легче, если будет воспринят как «генетическое» или традиционное продолжение типа-предшественника. В каких-то случаях новый тип является модификацией старого. Длительность (скорость) принятия нового типа в утилитарно-

прагматических, незнаковых случаях различна в пределах от срока жизни человеческого поколения до «моментальной». Возможны случаи, когда новый тип так и остался только в пределах социальной страты изобретателя и станет ее маркером. Например, маркером-признаком молодежной возрастной группы, территориальной, родовой, профессиональной и др. Перспективы принятия типа всей социальной группой зависят также и от ее размера, многоканальности и скорости информационно-коммуникативных потоков внутри нее. При всем вышесказанном принятие социальной группой типа, изобретенного в ее среде, происходит легче заимствования в отношении преодоления барьера интериоризации «свой/чужой». Для какой-то части социума новый тип уже «свой». Остается задача признания его, если не всеми, то авторитетной частью общества.

Замена старого типа новым в идеологической сфере, религиозной сфере, в частности, наталкивается на консерватизм общества. История знает примеры религиозных преследований и войн: преследования ранних христиан в Иудее и Римской империи, борьба католиков с протестантами и др.

В современном мире развиты различные технологии внедрения новых типов (товаров) – рекламирование и прочие PR-кампании, появления института экспертов. Вопрос замены типа часто может быть связан со столкновениями интересов различных политических, финансово-промышленных, военных, идеологических элит. Как, например, вопрос отказа от автомобилей с двигателями внутреннего сгорания и перехода на экологически и экономически

более совершенные, или вопрос поставки видов вооружений от конкурирующих стран-производителей.

Существование типа в культуре социальной группы

Существующие в культуре социальной группы типы составляют багаж ее культурного опыта. В зависимости от текущей потребности к жизни вызывается тот или иной стереотип поведения, в том числе и производства артефактов и способов управления ими. По П. Бурдые, человек почти никогда не подчиняется слепо существующим культурным предписаниям. Существует момент творчества и свободного выбора среди наличных стереотипных решений – *габитус* (Бурдые, 1994, с. 98). В археологии нами введен *принцип адаптивной переменности* – гибкости в выборе того или иного способа из арсенала технических решений (Инешин, Тетенькин, 2000).

Существование типа в культуре социальной группы основными своими аспектами имеет: 1) актуализацию типа производством артефактов; 2) трансляцию внутри социальной группы, в частности, горизонтальную и вертикальную-межпоколенную трансляцию; 3) модификацию артефактов – знаковой формы типа; 4) модификацию значения – коннотаций типа.

Актуализация типа есть производство артефактов определенного – этого – типа. Сами артефакты являются частью деятельностных процессов – средствами деятельности. Длительность вхождения их в деятельностные процессы есть длительность их производства, амортизации, мемориального сохранения (музеефикации, мемориализации), утилизации как мусора. Реальность существования типа подтверждается реальностью производных от него артефактов. Типы, чьи артефакты уже не воспроизводятся, воспринимаются как устаревшие.

Производство артефактов сопряжено со множеством непредсказуемых обстоятельств: мастерство актора, специфика исходного материала, длительность задачи, творчество как стремление к совершенству за пределами канона и прочее. Продукты-артефакты в итоге не имеют полного тождества с идеальным типом.

Удачные отклонения способны привести к *модификации* типа или появлению нового типа. Еще раз упомянем, что модификация легче происходит в утилитарно-прагматической сфере и сложнее – в ситуациях знаково-символических, где, во-первых, знаковая составляющая консервативна в силу своей закрытости-парадигматичности, во-вторых, консервативна идеологическая и особенно, религиозная сфера человеческого сознания и духовной культуры, с которой связано значение такого знака.

Существующее воспроизводство типа в артефактах, или, формулируя иначе, производство артефактов определенного типа обуславливает узнавание типа, включая коннотаты социокультурной ситуации его существования.

Трансляция типа, в том числе межпоколенная, происходит как обучение в исторически, культурно и методически различных формах. В традиционных обществах это, например, передача опыта от отца к сыну. В известном ряде случаев этот опыт рассматривается как сакральный, а передаче его достойны избранные. Рубеж освоения опыта (производства артефактов и овладения связанными с ними видами деятельности) может быть обставлен как переход в новое социальное состояние (вручение диплома, водительского удостоверения). Мы предполагаем, что логически и исторически наиболее ранней формой межпоколенной передачи опыта является подражание младшего старшему в ходе совместной деятельности.

Длительность пребывания типа в культуре социальной группы приводит к дополнительной коннотации – модификации значения типа. Со временем старые артефакты могут становиться маркерами-символами прежних владельцев, прежде всего, предков, родителей, а типы – «этническими», «родовыми» признаками культуры социальной группы. Происходит *мемориализация* типа, когда «народные» костюмы, блюда участвуют в конструировании (демонстрируются) этнической идентичности. Первичные деятельностные контексты употребления артефактов данного типа уже отсутствуют.

Трансляция типа за пределы социальной группы

Один из аспектов существования типов – трансляция их за пределы социальной группы. В наше время мы видим, например, широкое распространение в мире японских автомобилей, автоматов Калашникова и шоколадных батончиков «Сникерс». В большом ряде случаев можно наблюдать трансляцию типов, связанных с идеологией, религиозной, в частности. Таковы мировые религии, последняя из которых – ислам, продолжает свое развитие вширь. В той части прошлого человечества, которая является прерогативой археологов, имела место передача опыта земледелия, металлургии, широкое хождение имели предметы скифо-сибирского стиля и другие, техника микропластинчатого расщепления торцовых нуклеусов в финале позднего палеолита имела распространение от Восточной Сибири до Северной Америки.

Важным вопросом являются границы социальной группы. Формально-логически, это локальный социум, воспроизводящий себя во всех основных сферах: демографической, хозяйственной, политической, идеологической. Смысловая неясность термина «этнос» побудила нас использовать нейтральный термин «социальная группа». Ранее мы высказывались, что поля экономических, политических, демографических, идеологических отношений могут не совпадать. Жесткое их совпадение начинается с появлением государств. Несовпадение этих полей является фактором большей проницаемости их границ.

Выше мы уже писали, что принимаем за основу исходную простейшую форму социального объединения – эгалитарную группу. В ее составе мы видим смысл выделять два уровня. На первый уровень мы ставим локальную резидентную группу, организующую отдельную стоянку. Второй уровень образован сетью экономических-кооперативных, управленческих-потестарных и идеологических связей, выстраиваемых на основе сети экзогамных отношений. Это надстроенный над единичными экономически самостоятельными родовыми коллективами уровень, в который входят, во-первых, коллективы, связанные сетью экзо-

гамных брачных связей, во-вторых, коллективы, образованные в результате разрастания материнских групп и их деления и отпочковывания боковых-родственных групп. Этот уровень социальной организации формально мы принимаем как самодостаточный и полагаем его пределы как искомые границы социальной группы (локального социума). С оговоркой, что, конечно, не гарантировано, что локальные человеческие популяции неизменно поддерживали одни и те же экзогамные связи, что пограничные, смежные коллективы, входящие в разные брачные системы, разные вождества и политические союзы, не обменивались брачными партнерами и ресурсами. В результате происходит абберация границ.

Итак, выход типов за пределы границ социальной группы может быть обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, это должен быть тип достаточно успешный в местной культуре, не устаревший, эффективность которого считалась бы очевидной. Успешность типа, как правило, есть также и успешность его вида деятельности, а также престиж его обладателей. Во-вторых, психологический барьер «свой/чужой» легче проходим для типов (идей и вещей) утилитарно-прагматического назначения, в обществах одного хозяйственно-культурного типа и одного уровня развития.

Добавим, что заимствование типа может быть неполным. Пределы социальной группы могут пересечь только вещи – материальные знаковые формы типа. Значение – содержание его не вполне будет усвоено принимающей стороной. Это означает, в частности, что владельцы импортных вещей не в состоянии наладить их производство. Наоборот, заимствование типа будет полным, если будет усвоена технология его изготовления и более того, если она в той или иной части будет использована для производства других типов. Глубина трансляции типа зависит от различных обстоятельств: канала, стимула, материала (людей, вещей или знаний об артефактах) и барьеров трансляции. Тип может быть транслирован в одиночку или вместе с другими типами, связанными между собой принадлежностью к одному виду деятельности (краски и кисти, ружья и патроны).

Количество заимствованных типов прямо коррелирует с установлением культурной зависимости воспринимающей социальной группы. Риск потери культурной независимости связан с передачей (экспансией) вместе с типами чужеродной идеологической системы и утратой собственной идентичности и традиционной легитимности политической и идеологической (религиозной) власти. Существующее в политико-экономической сфере понятие «продовольственный суверенитет» (его утрата связана с более чем 50-процентным потреблением продуктов импортных) может быть заимствовано и модифицировано в подобном же смысле как «культурный суверенитет». Культурный империализм «отражает распространение или преимущество одной культуры над другими, выражающееся в модификации, замещении, или разрушении, обычно из-за различного экономического или политического влияния (Kottack, 2002, p. 606).

Элиминация типа в культуре социальной группы

Исчезновение типа в культуре социальной группы происходит через замену другим однопорядковым типом, либо как деструкция и типа, и культуры, и социальной группы. Выход типа из состава культуры социальной группы происходит как элиминация – устранение типа. Если прежде тип был транслирован в культуру других социальных групп, то с выходом из употребления в данной социальной группе он полностью не исчезает, сохраняясь где-то еще. «Смерть» типа в культуре социальной группы означает завершение его процессуального цикла. Нужно различать собственно устранение типа и разрушение культуры социальной группы, содержащей тип.

Об устранении типа мы рассуждали отчасти уже выше в разделе введения типа. Это ситуация прихода нового типа на смену старому: замена на более совершенный функциональный аналог. Возможно, новый тип в дополнение к замещающей функции несет в себе дополнительные новые функции, как, например, сотовые телефоны и иже с ними. Возможна замена на новый тип, порожденный внутри самой социаль-

ной группы, либо привнесенный извне (импорт).

После «снятия с производства» старого типа его артефакты какое-то время еще сохраняются в материальной культуре, как, например, старые отечественные автомобили «Волги», «Москвичи», «Запорожцы». Некоторые артефакты и типы попадают в стадию *мемориализации*, становясь знаками-символами эпохи, народа, государства и др. В этой роли национальных символов выступают давно вышедшие из актуального потребления народные костюмы, предметы быта, да и уцелевшие строения, например, крестьянские избы. Они становятся экспонатами музеев, семейными реликвиями, костюмами фольклорных танцевальных ансамблей, портативные предметы – сувенирными прототипами. Более того, в наше время существует государственная политика мемориального сохранения устаревших типов как символов национальной идентичности – культурного наследия.

Замена старого типа на новый происходит не разовым актом и неравномерно. Справедливым будет утверждение, что в крупных социумах группы, находящиеся на территориальной и социальной периферии, старшие возрастные группы дольше держатся за старые типы, и замена происходит позже. Сходный вывод мы найдем у Уиллера о том, что центральные элементы культурного ареала моложе, поскольку там идет неустанная разработка новых форм, а периферийные элементы того же ареала – древнее (цит. по: Клейн, 2010, с. 605). Устаревшие типы могут также «оседать» в детской культуре. В конце концов, забвение типа, неузнавание артефактов становится, по Л.С. Клейну (1978), одним из источников археологизации вещей. По Г.И. Медведеву и Е.Б. Волосовой (Медведев, Волосова, 1993), артефакты выходят за «порог узнаваемости».

Выстраивание типов вещей различных исторических эпох в типологические ряды позволило Пит-Риверсу, Монтелиусу и другим в рамках эволюционистского, сравнительно-исторического подходов говорить об эволюции вещей (Клейн, 2011а). Предпринимались попытки построения эволюционной систематики подобно систематике

живых организмов в биологии (Городцов, 1927). Насколько уместно говорить об эволюции вещей с точки зрения наших представлений о процессах существования типов в культуре? Употребление термина «эволюция» в смысле преемственности развития допустимо, если речь идет о *модификации* типа. Повторимся еще раз, что в нашем понимании модификация есть изменение – усовершенствование типа через изменения и артефакта, и идеального типа, включая контексты деятельностных (производственных) практик. Исходный модифицируемый тип сохраняется как основа. Замену одного типа на другой, чужеродный, нельзя представить как преемственность в собственном смысле слова.

Исчезновение типа вместе с разрушением культуры социума есть один из аспектов социальных кризисов и катастроф. Тема распада в культуре изучена не достаточно, и мы теперь остановимся, указав лишь на ее существование.

Заканчивая описание цикла процесса существования-развития типа в культуре отдельно взятой социальной группы, укажем на возможность: 1) дальнейшего существования типа в чужих культурах; 2) сосуществование типа в разных культурах разных социумов с различной хронологией и динамикой цикла в каждой из них.

V. Что даст археологии теоретическая разработка культурной трансляции? (Заключение)

Говоря в целом, всякая группа артефактов есть результат деятельностных и культурных процессов. Поэтому совершенно законен и интерес к характеру, природе этих движущих сил, механизмов их развития. Поиск в этом направлении привел нас к выводам о слабости определенных позиций имеющихся теоретических разработок и, соответственно, возможности предприятия собственного исследования (Тетенькин, 2007, 2009, 2011, 2012а, 2012б; Инешин, Тетенькин, 2011). Без учета теоретической компоненты, т. е. без учета онтологии культурных процессов и механизмов мы всегда будем представлять себе культуру как черный ящик, из которого время от времени вываливаются артефакты и тради-

ции, которые мы будем лишь констатировать на уровне конкретно-исторических феноменов и общесоциологических явлений. Напротив, ввод онтологических представлений исследуемых объектов – артефактов и их типов – делает легитимными все усилия, направленные в сторону раскрытия их содержания. Вводимые теоретические схемы необходимы как ядро научного предмета. Конкретные факты добываются, интерпретируются и организуются по предложенной схеме идеального объекта в рамках определенного научного подхода. В этом смысле для нас теоретико-методологическое обеспечение, онтологическая работа являются критерием научности в исследовании.

Рассмотрим далее прагматику введения теоретических представлений культурной трансляции в археологии. Начнем с того, что ввод онтологической блок-схемы должен изменить само восприятие, а следовательно, и описание и набор ожиданий, предъявляемый к материалу. Беря в руки единственный артефакт, первая типичная задача, которую решает археолог, это определение принадлежности к тому или иному типу и присущим ему возрастным и ареальным характеристикам. Типологическая работа, вполне стереотипная для каждого специалиста, заключается в вопросах истории развития каждого из типов, типичности сочетания типов в данном ансамбле. Следуя логике блок-схемы, мы вправе спрашивать далее: 1. Принадлежит ли тип данной резидентной группе как «коренной», автохтонный или заимствован извне? 2. Если заимствован, то из ближнего или дальнего социального окружения? 3. О какой трансляции можно вести речь: был ли транслирован только артефакт или весь тип? 4. Каковы каналы векторы, дистанции трансляции артефакта и типа? 5. Каковы возможные стимулы трансляции и преимущества транслируемого типа? 6. Какова глубина трансляции типа? 7. На смену какому старому типу пришел новый тип и исчез ли старый? 8. С какими другими типами данный тип связан принадлежностью к одному, общему виду деятельности?

Следующая группа вопросов связана с типологической характеристикой ансамбля.

Описывая его как сумму типов артефактов (включая сюда и технологии как значения типа), мы соотносимся с существующей уже культурно-хронологической «картиной мира». Следуя логике культурной трансляции, мы вправе спрашивать, является ли диахронный ряд ансамблей определенного, фиксированного облика (типа) результатом вертикальной трансляции внутри одной социальной группы или даже одной локальной резидентной группы? С какими культурными процессами и событиями связаны фиксируемые возрастные границы появления и исчезновения данного типа ансамбля? Являются ли перемены облика ансамбля результатом миграции, обмена людьми, знаниями, вещами или результатом иных процессов? Какова интенсивность этих связей? Интересующая нас проблема культурной вариативности сосуществующих типов ансамблей может ли быть результатом длительной совместной истории нескольких самостоятельных групп обитателей или выражением культурной пластичности населения, способного в каких-то условиях смены ресурсной и иной обстановки менять облик значительной части материальной культуры?

С точки зрения возможности ведения каких-либо реконструкций археологические источники, особенно на ранних стадиях исследования, несут в себе немало стандартных сложностей. Формально присутствие в комплексе артефакта очень часто может быть обусловлено рядом причин, в том числе и взаимоисключающих. Существует огромный пласт пессимистических возражений, связанный с доводами культурной конвергенции. Сочетание артефактов может быть наложением многих разрозненных во времени эпизодов человеческого обитания. В пределе, каждый артефакт есть знак отдельного эпизода. Наложение их (эпизодов) один на другой, интерпретационная неопределенность, общий ровный типологический фон «смазывают картину», создают информационный источниковый шум. С нашей точки зрения, может быть предложена определенная тактика его преодоления.

Мы можем изучать процессы трансляции типов на основе различных типов-

маркеров, подобно тому, как изучается миграция видов животных по маркированным, снабженным датчиками особям, либо подобно тому, как миграция элементов эпической культуры изучается по четко идентифицируемым мифологическим сюжетам (Березкин, 2003, 2005; Васильев, Березкин, Козинцев, 2009). Такими маркерами в археологии позднего палеолита – мезолита могут стать уникальные, ясно идентифицируемые вещи и их типы, экзотичные импорты, редкие категории археологического материала, стоящие за ними специфические технологии. Такой путь трассирования типов-маркеров в задаче изучения путей миграции в раннем верхнем палеолите на юге Средней Сибири и Монголии избрал, например, Е.П. Рыбин (2014). Идентификация двух и более эпизодов позволит трассировать и, следовательно, выделить сам процесс трансляции типа. В различных ситуациях они станут основой для заключений о каналах трансляции, границах социальных групп и их информационных культурных полей, многих других аспектов культурной истории. Установление фактов переноса ресурса с источника на стоянку, эксплуатации людьми с различных стоянок общих источников ресурсов дают надежные сведения о таком виде трансляции как транспортировка артефактов и исходных для них материалов (Инешин, Тетенькин, 2011). Выделенная связь культурной трансляции между социальными группами / стоянками / памятниками А и В должна характеризоваться по следующим позициям: 1) хронологический диапазон между датировками А и В; 2) расстояние между А и В; 3) вектор трансляции А и В; 4) характер транслируемого материала; 5) характер отношения транслируемого типа, артефакта к общему составу культуры («свой» vs «внедряемый»); 6) степень отличия артефакта, типа А от артефакта, типа В; 7) канал трансляции; 8) причина актуализации типа; 9) глубина восприятия типа; 10) причины новообразования типа.

В нашей практике археологии нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья есть несколько развитых сюжетов, для понимания которых необходимо будут востребо-

ваны онтологические представления о культурной трансляции.

1. Многократное обитание людей с тождественной материальной культурой на одном и том же месте со сходным образом организации пространства. Таковым случаем является местонахождение Большой Якорь I. В хронологических рамках около 12,7–11,7 тыс. л. н. не менее 11 раз люди селились, организуя очаги, зачастую «трафаретно» наложенные, в нескольких случаях зримо ощущая остатки предыдущего эпизода обитания. Культурно-типологически горизонты близки друг другу (гомогенны) (Инешин, Тетенькин, 2010), объединены в группу ансамблей типа Большого Якоря (Тетенькин, 2010, 2011). В качестве рабочей гипотезы предполагается принадлежность их к одной локальной резидентной группе, традиционно занимающей территорию; воспроизводство суммы технических адаптационных традиций в рамках культуры автохтонной местной популяции.

2. Воспроизводство традиции линейных сооружений из гнейсовых плит-пластин, установленных на ребро, на местонахождении Коврижка 3 в интервале 11,0–8,0 тыс. л. н. Конструкция из верхнего уровня 2 культурного горизонта (10,4 тыс. л. н.) была подновлена людьми 1А культурного горизонта (8,1 тыс. л. н.) (Тетенькин, 2012, 2013). Постулируется культурная трансляция длительностью около 3 тысяч лет весьма специфической традиции организации пространства стоянки. При этом ранние эпизоды (11,0–10,4 тыс. л. н.) и поздние (8,1–8,0 тыс. л. н.) принадлежат типологически разным ансамблям палеолитического (типа Авдеихи) и мезолитического (типа Большой Северной) облика. В качестве рабочей гипотезы предложено существование культурной преемственности населения в иных аспектах орудийной деятельности значительно изменившего культурный облик.

3. Наиболее ранние на Нижнем Витиме призматические микропластинчатые нуклеусы в составе 3 и 2 культурных горизонтов верхнепалеолитического облика стоянки Коврижка 3. Интерпретированы как технические типы в стадии зарождения типа. То же самое в отношении бифаса – топора с

ушком в 3 к. г. Коврижки 3 (Тетенькин, 2010, 2014).

4. Перенос вулканической пемзы 2 культурного горизонта Коврижки 3, около 11,0 тыс. л. н. с Удоканского вулканического поля в бассейне среднего течения Витима, более 500 км удаления. Установлен вектор хозяйственной мобильности населения – трансляции материала артефактов – в субдолинном направлении. Постулированы возможные контакты с верхневитимской группой населения (стоянки Усть-Каренга 1–16) (Демонтерова и др., 2014).

5. Установление типов общих для типологически различных ансамблей одного хронологического среза – 8,1–8,2 тыс. л. н. Это 3, 4, 4А к. г. Коврижки 2 и 1А к. г. Коврижки 3. В качестве рабочей гипотезы предложена идея сезонно-ресурсной радикальной смены технологий каменного производства и в итоге всего облика каменной части культуры. Отдельные «сквозные» типы, единые возраст и территориальная ниша поддерживают идею принадлежности обоих типов ансамблей культуре одного населения.

6. Выделение диахронных линий существования трех разных типов ансамблей (типа Большого Якоря, Авдеихи и Большой Северной) на протяжении 12–6 тыс. л. н. (первые два типа), 9–6 тыс. л. н. (все три типа ансамблей). Интерпретировано как устойчивое воспроизводство (вертикальная трансляция) трех разных наборов адаптивных технических традиций в одной экологической нише, предположительно, в культуре одной социальной группы.

7. Типологически тождественные изделия (скребки) из экзотического сырья, темно-бордового аргиллита в синхронных комплексах 6,0 тыс. л. н. во 2 культурном горизонте Коврижки 1 и искусственных ямакладах Усть-Каренги 16 (Ветров, 2008; Тетенькин, 2010). Предложен тезис коммуникации населения нижнего и верхнего течения Витима.

Предложенные интерпретации, несомненно, будут тестироваться всеми последующими исследованиями. Важно, чтобы под эти и другие будущие работы была бы заложена теоретическая основа, позволяющая оценить эпистемологические пределы

допустимых ответов, понимать природу изучаемых явлений, в конечном счете. Ввод онтологических представлений позволяет обоснованно обсуждать возможные пути объяснений, когда прописаны сами пределы и возможность существования тех или иных культурологических причин для появления на свет ансамблей культурных остатков. Вторым этапом развития теории и практики культурной трансляции мы видим инкорпорирование объяснительных моделей. Последние могут быть задействованы в интерпретации и понимании культурных процессов, оставивших после себя изучаемые

остатки. Выбор наиболее реалистичной, наиболее эвристичной модели должен зависеть от конкретных особенностей реконструируемой ситуации.

Работа частично была осуществлена благодаря поддержке Фонда Фулбрайта (США). Автор выражает благодарность за помощь в поиске литературы Х. Смит, Центр по изучению первых американцев Техасского А&М университета.

Статья поступила 10. 02. 2015 г.

Библиографический список

1. Barkow J.H. The elastic between genes and culture // *Anthropological Theory. An Introduction History*. R. J. McGee and R.L.Warms (Ed.). New York: McGraw-Hill Companies, Inc. 2004 (1989). P. 440–445.
2. Bettinger R.L. *Hunter-Gatherers: Archaeological and Evolutionary Theory*. New York and London: Plenum Press, 1993. 257 p.
3. Bettinger R. L., Eerkins J. Point Typologies, Cultural Transmission, and the Spread of Bow-and-Arrow Technology in the Prehistoric Great Basin. *American Antiquity*. 1999. # 64. P. 231–242.
4. Binford L.R. Mortuary practices: their study and their potential. *Approaches to the Social Dimensions of Mortuary practices / edited by J.A.Brown*, New York: *Memoirs of the Society for American Archaeology*, no.25., 1971. P. 6–29.
5. Binford L.R. *In Pursuit of the Past*. London. Thames and Hudson, 1983. 255 p.
6. Binford L.R. “Researching Ambiguity: Frames of Reference and Site Structure” // Binford L.R. *Debating Archaeology*. San Diego: Academic Press, 1989. P. 223–263.
7. Birdsell J.B. Some predictions for the Pleistocene based upon equilibrium systems among recent hunter-gatherers. // *Man the Hunter*. Edited by Lee R.B. and Devore I. Chicago, Aldine, 1968. P. 229–240.
8. Boyd R., Richerson P.J. *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago and London: The University of Chicago, 1985. 331 p.
9. Boyd R., Richerson P.J. *The Origin and Evolution of Cultures*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 456 p.
10. Butzer K.W. *Archaeology as Human Ecology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 365 p.
11. Campbell J.M. Territoriality among ancient hunters: interpretations from ethnography and nature // Meggers B.J. (ed.) *Anthropological Archaeology in the Americas*. Washington: Anthropological Society of Washington, 1968. P. 1–21.
12. Cavalli-Sforza L.L., Feldman M.N. *Cultural Transmission and Evolution: A Quantitative Approach*. Princenton, New Jersey: Princenton University Press, 1981. 389 p.
13. Cavalli-Sforza, L. L., Feldman M. W., Chen K. H., Dornbusch S. M., 1982 *Theory and Observation in Cultural Transmission // Science* 218(4567). P. 19–27.
14. Clark D.L. *Analytical Archaeology*. London and Colchester: Methuen&Co LTD, 1968.
15. Clark J. E., Blake M. The power of prestige: competitive generosity and emergence of rank societies in lowland Mesoamerica // *Contemporary Archaeology in Theory*. Preucel Robert and Hodder Ian (Editors). Oxford, Malden: Blackwell Publishing Ltd, 1996. P. 258–281.
16. David N. On Upper Paleolithic society, ecology and technological change: the Noailian case // *The explanation of culture change: models in prehistory*. Edited by Colin Renfrew. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1973. P. 277–303.
17. Dawkins R. *The extended phenotype*. Oxford: Oxford University Press, 1982.
18. Dawkins R. *The selfish gene*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1989. 352 p.

19. Dunne R.C. Style and function: A fundamental dichotomy // *American Antiquity*. 1978. #43. P.192–202.
20. Durham William H. Application of Evolutionary Culture Theory // *Annual Review of Anthropology*. 1992. #21. P. 331–355.
21. Eerkens J.W. Practice makes within 5% of perfect: The role of visual perception, motor skills, and human memory in artifact variation and standardization // *Current Anthropology*, 2000. #41. P. 663–668.
22. Eerkens J.W., Lipo C.P. Cultural Transmission, copying errors, and the generation of variation in material culture and the archaeological record // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2005. №24. P. 316–334.
23. Eerkens, J. W., Lipo C. P. Cultural Transmission Theory and the Archaeological Record: Providing Context to Understanding Variation and Temporal Changes in Material Culture // *Journal of Archaeological Research*. 2007. №5. P. 239–274.
24. Funnell R., Smith R. Search for a theory of cultural transmission in an anthropology of education: notes on Spindler and Gearing // *Anthropology & Education Quarterly*. 1981. Vol. 12, No. 4 (Winter, 1981). P. 275–300.
25. Gabora L.M. Ideas are not replicators but minds are // *Biology and Philosophy*. 2004. №19. P. 127–143.
26. Gearing F.O. Toward a general theory of cultural transmission // *Anthropology & Education Quarterly*. 1984. Vol. 15, No. 1 (Winter, 1984). P. 29–37.
27. Goebel T., Buivit I. Introducing the archaeological record of Beringia // *From the Yenisei to the Yukon*. College Station: Texas A&M University Press, 2011. P. 1–30.
28. Goebel Ted, Waters Michael R., O'Rourke Dennis H. The Late Pleistocene Dispersal of Modern Humans in the Americas // *Science*. 2008. Vol. 319. P. 1497–1502.
29. Hayden B. Pathways to Power Principles for Creating Socioeconomic Inequalities Foundations of social inequality. Edited by T.D.Price, G.M.Feinman. New York and London: Plenum Press, 1995. P. 15–86.
30. Hayden B., Eldridge M., Eldridge A., Cannon A. Complex hunter-gatherers in Interior British Columbia // *The emergence of cultural complexity*. Edited by T.D.Price, J.A.Brown. Orlando: Academic Press, Inc, 1985. P. 181–199.
31. Henrich J. Demography and cultural evolution: Why adaptive cultural processes produced maladaptive losses in Tasmania. // *American Antiquity*. 2004. №69. P. 197–221.
32. Henrich J. Cultural Transmission and the Diffusion of Innovations: Adoption Dynamics Indicate that Biased Cultural Transmission is the Predominate Force in Behavioral Change // *American Anthropologist*. 2001. №103(4). P. 992–1013.
33. Jochim M.A. Strategies for survival. Cultural behavior in an ecological context. London: Academic Press, 1981. 233 p.
34. Johnson M. Archaeological Theory. An Introduction. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. 239 p. (2nd ed., 2002)
35. Kristiansen K. Theorising diffusion and population movements // *Archaeology. The Key Concepts*. Edited by C. Renfrew and P. Bahn. London and New York: Routledge, 2005a. P. 75–79.
36. Kristiansen K. Innovation and invention – independent event or historical process? // *Archaeology. The Key Concepts*. Edited by C. Renfrew and P. Bahn. London and New York: Routledge, 2005b. P. 151–155.
37. Kottack C.P. Anthropology. The Exploration of Human Diversity. New York: McGraw – Hill Companies, 2002. 738 p.
38. Lumsden Ch.J., Wilson E.O. Genes, mind and culture. The coevolutionary Progress. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 1981. 428 p.
39. Lyman R.L., O'Brien M.J. Cultural traits: Units of analysis in early twentieth-century anthropology // *Journal of Anthropological Research*, 2003. №59. P. 225–250.
40. MacDonald D. H. Subsistence, Sex, and Cultural Transmission in Folsom Culture // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1998. №17. P. 217–239.
41. Malinowski B. The Essentials of the Kula // *Anthropological Theory. An Introduction History*. R. J. McGee and R.L.Warms (Ed.). New York: McGraw-Hill Companies, Inc, 2004 (1922). P.157–172.
42. Miller D. Artefacts as a products of human categorization processes // *Symbolic and Structural Archaeology*. Edited by Ian Hodder.

- Cambridge, London: Cambridge University Press, 1982. P. 17–25.
43. Mithen S.J. Cognitive archaeology, evolutionary psychology, and cultural transmission with particular reference to religious ideas // Barton C.M., and Clark G.A. (eds.) *Rediscovering Darwin: Evolutionary Theory in Archaeological Explanation*, Archaeological Paper No. 7. Washington, DC: American Anthropological Association, 1997. P. 67–74.
44. Renfrew P., Bahn P. *Archaeology. Theories, Methods and Practice*. London: Thames&Hudson, 1991. 640 p. (3rd ed.).
45. Richerson P., Boyd R. *Not by Genes Alone. How Culture Transform Human Evolution*. Chicago and London: University of Chicago Press, 2005. 332 p.
46. Service E.R. *Primitive social organization: an evolutionary perspective*. New York: Random House, 1971. 221p. (1st edition in 1962).
47. Schiffer M.B. *Formation Processes of Archaeological Record*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1987. 429 p.
48. Shennan S. Cultural transmission and cultural change // *Contemporary Archaeology in Theory*. Preucel Robert and Hodder Ian (Editors). Oxford, Malden: Blackwell Publishing Ltd., 1996. P. 282–296.
49. Testart A. The significance of food storage among hunter-gatherers: residence patterns, population densities, and social inequalities // *Current Anthropology*. 1982. №23(5). P. 523–537.
50. Tooby J., Cosmides L. Psychological foundations of culture // Barkow J.H., Cosmides L., and Tooby J. (eds.) *The Adapted Mind*. New York: Oxford University Press, 1992. P. 19–136.
51. Trigger B.G. *A History of Archaeological Thought*. Cambridge University Press, 1990. 500 p.
52. Абрамова З.А. Палеолит Енисея: Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979а. 175 с.
53. Абрамова З.А. Палеолит Енисея: Коковская культура. Новосибирск: Наука, 1979б. 200 с.
54. Акимова Е.В. Поздний палеолит зоны Красноярского водохранилища // *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда*. Т. I. СПб.–М. – Великий Новгород, 2011. С. 15–16.
55. Аксенов М.П., Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье) // *Байкальская Сибирь в древности*. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. Вып. 2, ч.1. С. 4–35.
56. Анисюткин Н.К. Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы. Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 7. СПб.: Нестор-История, 2013. 172 с.
57. Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине: по австралийским этнографическим данным. М.: Наука, 1987. 199 с.
58. Артемова О.Ю. Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных систем). М.: Смысл, 2009. 560 с.
59. Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // *Этнографическое изучение знаковых средств культуры*. Л.: Наука, 1989. С. 63–88.
60. Бердников И.М., Бердникова Н.Е. Усть-Бельская керамика: проблемы, характеристика, хронология // *Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: материалы всерос. конф. с международн. участием*. Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2007. Т.1. 432 с.
61. Березкин Ю.Е. Еще раз о горизонтальных и вертикальных связях в структуре среднемасштабных обществ // *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос, 2000. С. 259–264.
62. Березкин Ю.Е. Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2003. № 2 (14). С. 94–105.
63. Березкин Ю.Е. Южносибирский компонент америндейских мифологий: этногенетический и социокультурный аспекты // *Социогенез в Северной Азии: Сборник научных трудов / Под ред. А.В.Харинского*. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч.1. С. 42–46.
64. Бромлей Ю.В. *Этнос и этнография*. М., 1973. 283 с.

65. Бурдые П. Начала. Choses Lites: Пер. с фр. / Pierre Bourdieu. Choses Lites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н.А. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
66. Васильев С.А. Древнейшие культуры Северной Америки. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 144 с.
67. Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г. Сибирь и первые американцы. СПб., 2009. 167 с.
68. Ветров В.М. Керамика усть-каренгской культуры на Витиме // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. С.123–130.
69. Ветров В.М. Каменный век Верхнего Витима / Автореф. дис... на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Новосибирск, 1992. 17 с.
70. Ветров В.М. Ритуальный комплекс в устье р. Каренга (долина р. Витим) и некоторые проблемы неолита Восточной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. Вып. 6. С. 28–43.
71. Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: усть-каренгская культура (13000–5000 л. н.) // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2011. С. 173–187.
72. Вострецов Ю.Е. Приморские охотники-собиратели и земледельцы бассейна Японского моря: адаптация и взаимодействие в среднем и позднем голоцене (6500–1800 лет назад) / Дис. на соиск. учен. степ. д-ра. ист. наук. Т. 1. Санкт-Петербург, 2010. 751 с.
73. Городцов В.А. Типологический метод в археологии. Рязань, 1927. 10 с.
74. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ // Политическая антропология традиционных и современных обществ : Материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 92–123.
75. Демонтерова Е.И., Иванов А.В., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. К вопросу о мобильности древнего населения севера Байкальской Сибири в конце плейстоцена // Stratum plus. 2014. №1. С. 165–180.
76. Деревянко А.П., Шуньков М.П. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты: Сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 283–311.
77. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: Изд-во Центрполиграф, 2000. 686 с.
78. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Модель системы расщепления по материалам Большого Якоря в рамках системно-деятельностного подхода // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С.8–29.
79. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Некоторые аспекты применения системно-деятельностного подхода в планиграфических исследованиях // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С.11–22.
80. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Адаптивная вариабельность в системах расщепления в финально-плейстоценовых отложениях Нижнего Витима // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и транс-континентальных связей. Иркутск, 2000. С. 57–24.
81. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии : Сборник научных трудов / под ред. А.В.Харинского. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч.1. С. 96–104.
82. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск : Наука, 2010. 270 с.
83. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблема определения археологических связей в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье, Байкало-Патомское нагорье) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.) / под общ. ред. А.В. Харинского. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып.2. С. 96–104.
84. Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. 302 с.
85. Классен Х. Дж. М. Теория раннего государства сегодня // Политическая антро-

- пология традиционных и современных обществ : Материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 190–218.
86. Клейн Л.С. Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации). М., 1973. 17 с.
87. Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978. 120 с.
88. Клейн Л.С. Проблема смены культур и теория коммуникации // Количественные методы в гуманитарных науках. М.: Изд-во МГУ, 1981. С.18–23.
89. Клейн Л.С. Археологическая типология. Ленинград : АН СССР, ЛФ ЦЭНДИСИ, Ленинградское археологич. научно-исследоват. объединение, 1991. 448 с.
90. Клейн Л.С. Археологическая типология / автореф. на соиск. учен. степ. д-ра. ист. наук. СПб, 1993. 16 с.
91. Клейн Л.С. История археологической мысли : В 2 т. Т.1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011а. 688 с.
92. Клейн Л.С. История археологической мысли : В 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011б. 624 с.
93. Клейн Л.С. Теоретический словарь археологии. Донецк : Донецкий государственный университет, 2014. 279 с.
94. Кодухов В.И. Общее языкознание. – М.: Высш. Шк., 1974. 304 с.
95. Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Морфология декора. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 200 с.
96. Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 24–84.
97. Крадин Н.Н. Современные тенденции политической антропологии // Политическая антропология традиционных и современных обществ: Материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Крадин] Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 219–241.
98. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Логос, 2004. 272 с.
99. Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Медведев Г.И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Известия ИГУ. Серия Геоархеология, этнология, антропология. 2013. № 1 (2). С. 71–101.
100. Малиновский Б. Магия. Наука. Религия. М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.
101. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983. 286 с.
102. Медведев Г.И. Резюме // Мезолит Верхнего Приангарья. Ч.1. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1971. С.104–110.
103. Медведев Г.И., Волосова Е.Б. О термине «освоение» и некоторых проблемах археологического познания (геоархеологический аспект) // Исторический опыт освоения Восточных районов России : Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1993. С. 56–61.
104. Николаев В.С., Масумото Т., Кустов М.С. Бронзовые зеркала из Ангарской долины // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. Вып. 6. С. 184–193.
105. Пирс Ч.С. Что такое знак? // Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88–95.
106. Рыбин Е.П. К выделению специфических форм артефактов в начале верхнего палеолита Южной Сибири и Монголии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань : Отечество, 2014. С.132–136.
107. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
108. Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.
109. Скальник П. Концепция раннего государства в антропологической теории // Политическая антропология традиционных и современных обществ : Материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 365–386.
110. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

111. Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 130 с.
112. Ташак В.И. Торцовые клиновидные нуклеусы Западного Забайкалья в позднем палеолите и мезолите // Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 59–73.
113. Тетенькин А.В. К вопросу о выборе способа изображения объекта археологического исследования // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003б. Вып. 1. С. 26–33.
114. Тетенькин А.В. К вопросу о культурных механизмах трансляции артефактов в пространстве // Социогенез в Северной Азии : материалы III Всероссийской конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.) Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 37–43.
115. Тетенькин А.В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995–2009 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2010. Вып.8. С. 64–134.
116. Тетенькин А.В. От «хозяйственного уклада» до «геоархеологии»: реконструкция научного дискурса иркутской школы // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003а. Вып. 1. С. 8–25.
117. Тетенькин А.В. Элиты, землянки, могилы. В поисках понимания перспектив // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2007. Вып. 5. С. 7–34.
118. Тетенькин А.В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995–2009 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2010. Вып. 8. С. 64–134.
119. Тетенькин А.В. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. С. 94–95.
120. Тетенькин А.В. Процессуальный подход к типам в археологии: постановка проблемы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 8 (14) : В 4-х ч. Ч. 4. С.197–200.
121. Тетенькин А.В. Поздний палеолит и мезолит Нижнего Витима в свете проблем археологического районирования // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. Ун-та, 2012. Вып. 3. С.112–121.
122. Тетенькин А.В. Проблема изучения процессов существования типов вещей в культуре // Вестник ИрГТУ. 2012а. № 3. С. 342–349.
123. Тетенькин А.В. О семиотической природе типов артефактов // Вестник ИГЛУ. 2012б. № 2 (19). С. 65–72.
124. Тетенькин А.В. Проблема культурной вариабельности археологических комплексов финального плейстоцена – раннего голоцена Нижнего Витима // Вестник ТГУ. История. 2013. № 2 (22). С. 104–107 (ВАК).
125. Тетенькин А.В. Стоянка Коврижка 3 в археологии Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань : Отечество, 2014. С.163–168.
126. Токарев С.А. Народы Австралии и Тасмании // Народы Австралии и Океании / под ред. С.А. Токарева, С.П. Толстова. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 43–322.
127. Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. 224 с.
128. Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Переход от палеолита к неолиту в приамурье: обзор основных комплексов и некоторые проблемы // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток : ООО «Рея», 2010. С. 50–73.
129. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит., 1995. 800 с.
130. Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995а. С. 233–280.

131. Эко У. Отсутствующая структура. «Петрополис», 1998. 432 с.
Введение в семиологию. СПб. : ТОО ТК

Список сокращений

ППГ – переход от плейстоцена к голоцену	ОАИ – объект археологического исследования
ПКВ – проблема культурной вариабельности	ИО – идеальный объект
	КТ – культурная трансмиссия

Сведения об авторе

Тетенькин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНТУ, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: 89086633571, e-mail: altet@list.ru

Tetenkin Aleksei Vladimirovich, PhD, associate professor, stuff of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontova St., Irkutsk, 664074, Russia, tel.: 89086633571, e-mail: altet@list.ru